Весь апрель никому не верь

Автор:
Ариадна Борисова

Весь апрель никому не верь

Ариадна Валентиновна Борисова

За чужими окнами

Короткий телефонный звонок способен изменить всю жизнь мужчины… особенно если ему вдруг сообщат, что у него есть ребенок. Именно это и случается с Матвеем. «Где? Какой ребенок?» – в недоумении спрашивает он и, не получив от звонившей ответа, решается самостоятельно начать поиски, в ходе которых ему предстоит узнать много нового и о себе, и о близких людях. Сколько же лжи иногда вмещает наша жизнь и как сложно сбросить липкое покрывало неправды, привычно драпирующее неприглядную истину! Но всегда есть возможность не принимать ничего всерьез и не снимать с ушей навешанную на них лапшу. Шути, смейся, не думай о прошлом, ведь еще идет День дурака. Это твой день.

Ариадна Борисова

Весь апрель никому не верь

© Борисова А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

1

Матюша не знал ни голоса мамы, ни запаха, ни прикосновений, знал только вариации ее улыбок с ямочкой на щеке. Одна улыбка, вроде хрупкой бабочки под стеклом, застыла в темной настенной рамке, остальные живо и безудержно трепетали в зеркалах, витринах, лужах, если Матюша в них смотрелся.

В поисках похожей улыбки он когда-то давно, целый год назад, вглядывался в лицо каждой папиной гостьи и с простодушной надеждой спрашивал: «Ты мама?» Теперь стыд пробирал Матюшу за себя тогдашнего, четырехлетнего, пристающего к женщинам с требованием поиграть с ним в войнушку. Они как будто не без увлечения включались в боевые действия солдатиков, но потом оказывалось, что на самом деле их интересует папа, а вовсе не чин мамы-генерала. Смущенно посмеиваясь, папа пояснял: «Нет, сынок, тетя Настя – не мама», или: «Это тетя Альбина, сынок». «Тетя Галя», «тетя Лара»… Вот тетю Оксану Матюше в голову бы не пришло назвать мамой. Надломом летучих бровей, блеском грифельных глаз она напоминала злую колдунью с картинки из сказочной книги. Оседая в квартире на три-четыре дня, тетя Оксана снова исчезала загадочно и надолго. Она летала в небе – правда, не на метле, а на лайнере, откуда приносила крохотные сырки и масло в фольговых обертках. Однажды папа с Матюшей отправились к ней в аэропорт за фотоаппаратом, заказанным в подарок дяде Косте. Синий форменный костюм очень шел тете Оксане, она выглядела в нем отрешенной и строгой, словно позаимствовала у неба частицу его высоты. Единственный раз эта женщина показалась Матюше прекрасной. Там, напротив очередей у регистрационных стоек, он гордился знакомством с нею.

«Мишка! «Зеркалка» – супер!» – в восторге кричал дядя Костя. Он без зазрения совести называл папу Мишкой на правах старшего брата, хотя был старше всего на двенадцать минут. От счастья дядя Костя забыл спросить, где папа умудрился достать дефицитнейший фотоаппарат, а тот и не сказал, – брат еле терпел тетю Оксану. Впрочем, он и к другим папиным подругам относился без всякой симпатии. Все свободное время за редким исключением братья Снегиревы, или попросту Снегири, проводили вместе. С недавних пор дядя Костя поселился рядом: повезло обменять «однушку» в центре на двухкомнатную квартиру в соседнем доме.

Визит новой тети (Насти, Альбины, Гали, Лары и так далее) Матюша угадывал по тому, как оживленно принимался папа суетиться от холодильника к плите. Безошибочная примета: если в кухне начинал витать вкусный творческий дух, приправленный ароматами специй, значит, жди к ужину гостью, а ночевать Матюше придется у дяди Кости.

Тети оставляли в комнатах цветочный запах и промытую до нереального сияния посуду в сушилке. По мере охлаждения духовки и папы преходящие Дульсинеи с недооцененной кротостью отдалялись в забвенье, и к Снегирям с бидончиками разливного пива забредали приятели. Дымные мужские сборища иногда заканчивались стычками из-за политики и футбола, после чего на некоторое время дома восстанавливалось блаженное затишье. Возобновлялись теннис, вечерние променады, и вдруг как фатум, как львица на мирном пастбище, возникала в прихожей тетя Оксана.

Дядя Костя приветствовал ее появление стоном почти чистосердечного ужаса, папа улыбался с вымученным радушием – это видел даже Матюша, человек неполных пяти лет. Холод встречи нисколько не шокировал тетю Оксану. Она кидалась папе на шею, будто только что с безумством храбрых вырвалась из неведомых пут.

Повзрослев, Матвей понял, что отставке нелюбимой женщины препятствовал парадоксальный характер отца, замешанный на взаимоисключаемых достоинствах и недостатках. Пылкая ее привязанность умиляла отцовское самолюбие, а боязнь непредсказуемого реванша сильно усмиряла попытки разрыва.

Незваной гостьей явилась тетя Оксана и в день рождения Матюши. Таксист помог ей поднять на пятый этаж огромную целлофановую коробку с тортом – горой крема в россыпи засахаренной клубники. Снегири приготовили салаты, канапе на шпажках и тефтели с картофельным пюре, Матюша позвал друзей Робика и Эльку. В большом дворе, объединившем несколько «хрущевских» домов, все соседи знали неразлучную троицу, выросшую под крышей песочницы у них на глазах.

Дядя Костя воткнул в середину кремовой горы пять красных свечей и чиркнул по ним зажигалкой.

– Зачем на торте свечки?

– Они означают твои ушедшие годы.

О том, что время ходит, Матюша узнал в день рождения Эльки. Тонко пульсируя, время шло на ее левой руке в настоящих дамских часиках, подаренных Снегирями. Элька уже научилась отсчитывать шаги минут.

– Загадывай желание, – шепнула она.

– Велик, – подсказал Робик, и Матюша послушно пожелал двухколесный велосипед. Дядя Костя запел: «С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя!» Все подхватили и пели до тех пор, пока виновник торжества неторопливо задувал огоньки прошлых лет. Он мешкал нарочно, стараясь вызвать воспоминания за гранью предыдущего года, но куцая еще память высвечивала какие-то пустяковые фрагменты… Есть! Матюша выловил в мыслях кое-что интересное. Минувшей зимой один умный мальчик из старшей группы сказал по секрету, будто его бабушка переехала в небесный город. Этот город находится высоко над облаками, куда не долетают самолеты, там живут люди, покинувшие землю, и всамделишный волшебник, чье имя…

Имя человека за облаками Матюша не успел вспомнить – последняя свеча погасла. Велосипедное желание утвердилось. Он оглянулся как раз в тот момент, когда тетя Оксана целовала папу, и горько пожалел об упущенном шансе. Мог же загадать, чтобы она улетела насовсем!

Бисквит под волнами крема оказался приторным и сырым, как пропитанная сиропом сайка. Проглотив кусочек, Матюша отложил вилку в предвкушении арбуза – папа мыл его под краном в кухне. Тетя Оксана, огорченная неудачным подарком, подцепила ногтями пышную клубничину и воскликнула нарочито радостным голосом:

– М-м-м, вкусно! Правда, детки?

Они деликатно кивнули – нехорошо расстраивать гостью. Кончик ее юркого языка по-кошачьи быстро слизнул с ягоды сахар. Сладкие искры сверкнули на розовых губах, надкушенная клубника пустила сок по ногтю, блестящему, точно леденец. Красочные детали этого действа привлекли внимание Матюши, а тетя

Оксана вдруг притиснула его к себе и шепнула: «Ах, малыш!» В щеку, где пряталась мамина ямочка, с салатным придыханием шлепнулся влажный поцелуй.

Матюша отшатнулся и, взмахнув руками, запутался в завесе темных густых волос. Тетя Оксана энергично затрясла головой, засмеялась, заохала, на помощь ей кинулся папа. Вдвоем они кое-как вызволили нечаянного пленника.

– Что ж ты такой дикий, малыш?

– Матюша не дикий, просто мальчики не любят целоваться, – заступилась Элька.

Он нашел в себе силы пробормотать: «Извините» и побежал в ванную. Там, намылив папину вехотку, до скрипа растер ею лицо. В темноте под зажмуренными веками снова и снова приближалось к ямочке на щеке липучее розовое кольцо, как щупальце кальмара в телефильме о морских животных. Матюшу чуть не вырвало от гадливости. Он испугался, что папа женится на тете Оксане, и придется называть ее мамой, а она, получив власть над ними, будет целовать их, когда захочет.

В комнате посвежело от благоухания расколотых огурцов и снега – так пахло от арбуза. Матюша взглянул на алые полумесяцы в тарелке, и – о, гибкие переливы детского настроения! – праздник тотчас вернулся к нему. Пусть незваная и нежеланная, тетя Оксана улыбалась так сердечно, так по-доброму, спеша подать в знак примирения самый большой и лакомый кусок! Матюша торжественно принял подношение двумя руками, как красный командир принял бы саблю, и по уши погрузился в прохладную спелость уходящего лета.

Мокрый до пояска шорт, он поднял осоловелое лицо, только исчерпав упоительный источник до бело-зеленого дна, и увидел перед собой сказочное деревце в керамическом ведерке. Мало того, что звенящий саженец щедро цвел серебристыми и медными монетками, на его верхней ветке вызрел совсем уж фантастический плод – командирские часы!

Секрет волшебства был прост: необыкновенные «листья» распустились благодаря изоленте, ножницам и терпению Снегирей, но сначала Матюша, как Буратино, поверил в существование денежных деревьев. Первым делом, конечно, снял часы – лучшие на свете! Часы с синим мерцающим циферблатом и

фосфористыми цифрами вдоль забранного блестящим железом круга. Велосипед подождет!..

Дядя Костя переодел племянника в чистую футболку и застегнул на его запястье черный кожаный ремешок с дополнительно проверченной дырочкой. Не один Матюша догадался, какой подарок затейники вручат Робику через неделю: Элька помахала рукой с часиками и заговорщицки подмигнула. Ловко распределились на весь август дни рождения друзей: в начале месяца у Эльки, в конце у Робика, а у Матюши между ними.

Сплошным удовольствием было собирать с деревца мелочь! Стараясь, конечно, не поранить хрупкие веточки. Под предводительством дяди Кости дети побежали тратить капитал в парк. Заречный район замыкал город, «хрущевки» стояли на отшибе в полуобъятии черемуховой рощи; парк зеленел с другой стороны перед шустрой речкой, увенчанной автомобильным мостом – как вьюн-непоседа солидной шляпой.

Друзья испытали стойкость своих вестибулярных аппаратов на множестве аттракционов и сфотографировались на память с Чебурашкой, немного печальным без крокодила Гены. Крокодил стоял у пивного ларька, задрав одной рукой зубастую голову в черном лаковом котелке. Поперек волнистой шеи под галстуком-бабочкой зияла жутковатая щель, из нее высовывались чьи-то сложенные трубочкой губы и сдували пену со стеклянной кружки. Дядя Костя тоже выпил пива. Дети атаковали автомат с газированной водой, выдававший ее с малиновым сиропом за три копейки и за одну без сиропа. За все расплачивались «буратинскими» денежками. Сами! По словам Робика «пъёвели вьемя здойовски» (он не выговаривал букву «р»). Короткая толстая стрелка в часах Матюши шла, шла, шла и дошла до цифры шесть с половиной, когда веселая компания вернулась из парка.

После ужина дядя Костя удалился к себе. Матюша с содроганием ждал прощальных поцелуев тети Оксаны, но она никуда не делась. Потягивая через соломинку прозрачное вино, она бесконечно болтала о чем-то с папой и хохотала. Матюшу страшно раздражал ее прыгучий смех – словно кто-то, стоя на макушке горы, швырял вниз горсти камешков. Они раскатывались глухо, с прерывистым шорохом без всякого звона.

Тетя Оксана вообще много смеялась и любила кого-нибудь поддразнить, особенно Робика. Всякий раз спрашивала, будто забыла: «Мальчик, тебя как

зовут?» – «Ёбик», – тихо отвечал Робик, зная, что она потешается над его произношением. «Не расслышала, – притворялась тугоухой тетя Оксана, – повтори, пожалуйста». – «Ёбик! Ёбик!» – кричал Робик со слезами. Матюша тоже готов был закричать, чтобы не слышать, как она хохочет.

Вот и сейчас тетя Оксана швыряла и швыряла свои камешки, швыряла и швыр… Он зажал ладонями уши – камешки зависли в воздухе, открыл – и:

– Пора спать, сынок.

– Спокойной ночи, папа.

– Я тут не один.

– Спокойной ночи, тетя Оксана, – пробормотал Матюша, глядя в окно, и вдруг вспомнил имя волшебника за облаками: Христос. Мальчик из старшей группы уверял, что Христос исполняет желания, если хорошенько попросить. Только нужен его портрет, сквозь который в небе открывается окошко.

В детской Матюшу ждали подарки Робика и Эльки – железный пистолет, на вид взаправдашний, и книга. Жаль, что папа не почитает перед сном, зато можно поговорить вслух с мамой.

Рассказывая ей о денежном дереве, часах и парковых играх, Матюша привычно рассматривал изученное до мелочей лицо в рамке. Он догадался, что мама живет в небесном городе, где волшебник сидит у окна. Туда не долетает самолет с тетей Оксаной, но доносятся слова с земли. Портрет мамы, вероятно, тоже отворяет створки облаков, ведь она слушает Матюшу и видит. Он развернул перед ней страницы подаренной книги. На картинке какой-то геройский мальчик боролся в море с акулой. Другой с улыбкой вылетел из пасти крокодила. За подвиги победителей наградили мороженым… Следующую картинку мама разглядывала одна – сын уснул.

…Держа в руках душистый ломоть остуженного солнца, освещая им путь, Матюша пробирался в руинах торта, как муравей в разрубленном мухоморе. Бисквитный лабиринт открывал впереди все новые и новые закоулки, сахарные клубничины скатывались с пены крема Матюше на голову и на изрытую чьими-то ногами тропу. Стены сочились сиропной влагой. Выхода не было.

Внезапно прямо из стены выдралась перепончатая зеленая лапа. Не успел Матюша вскрикнуть, как крокодилья лапа выхватила из рук его солнце и втянула в пористую мякоть. Стало темно. Матюша проснулся и увяз в такой же липучей темноте. Он заставил себя встать, выбежал во мрак коридора и помчался в папину спальню, из-под двери которой брезжила полоска света. Распахнув дверь, вначале испытал миг облегчения, приветствуя безмятежное сияние бра…

На отцовской тахте странно горбился живот тети Оксаны. Натянув до подбородка одеяло, она таращилась на Матюшу испуганно и смешливо. Подозрение, что сон продолжается, утвердили в нем ее торчащие из-под одеяла ноги, неестественно вывернутые пятками вверх.

– А где папа?

– Не знаю, – просипела тетя Оксана, пуча глаза. Растрепанные волосы клубились у нее надо лбом черной тучей. Колдунья! По рукам Матюши пробежала рябь холодных мурашек, кожа на голове съежилась. Он изо всех сил цеплялся за ускользающую реальность.

– Может, папа в туалете?..

Вместо ответа тетя Оксана надула щеки и как выстрелила – оглушительно захохотала, а холм ее живота заколыхался. Споткнувшись на пороге, Матюша выпал вполоборота в коридор, ссадил коленку и, не помня себя от страха, полетел прочь. Безумный хохот разрастался, двоился, бился о стены квартиры россыпью камешков… Нет, не камешков, – валунов, скальных глыб! Их раскаты колоколом отдавались в готовом взорваться мозгу. Захлопнув дверь детской, Матюша заткнул пальцами уши и ничком повалился на кровать.

Когда кто-то бесшумно зажег настольную лампу, он уже скорчился под одеялом в жарком поту, слезах и соплях.

– Матвей, – спокойно сказал пришелец папиным голосом, – ты не спишь? Ты что… плачешь?

Матюша встрепенулся.

– Папа? Папа! Тетя Оксана тебя не съела?!

– Да я это, я, дурашка, – папа прижал его к теплой груди. – Ну, хватит плакать, не бойся, я с тобой. Разве тетя Оксана – людоедка?

Обняв папу за шею, судорожно вздыхая всем телом, Матюша шепнул ему в ухо:

– У нее шевелился большой живот… Я думал, она тебя проглотила!

– Это был сон, сердце мое. Всего лишь дурной сон.

– А коленка?

– Что – коленка?

– Я упал, когда выбежал из твоей спальни…

Папа ощупал колено – здесь не болит? Подул на ссадину:

– Ничего, до свадьбы заживет.

– До какой свадьбы? Ты хочешь жениться на тете Оксане?!

– Не хочу, – успокоил папа и, покачивая Матюшу, как маленького, тихо запел: – Ты, да я, да мы с тобой в деревянном башмаке…

– Значит, тетя Оксана проглотила не тебя, а торт?

– Торт на столе.

– Он стал как лабиринт… Я в нем заблудился… Там живет крокодил, он украл мое солнце… Помнишь, в книжке крокодил украл у зверей солнце?

– Такой большой, а веришь в сказки для малышей. Ну-ка пойдем, храбрый Матиуш! (Матюша считался Матиушем Вторым, Первым был покойный дед,

полный его тезка.)

Они отправились в кухню. Недоеденный торт, прикрытый прозрачной крышкой, стоял на столе. На развалинах белого крема розовели клубничные пятна и кляксы растекшегося парафина. Ни лабиринта с закоулками, ни сочащихся сиропом стен.

– Ты видишь крокодила?

– Нет.

– Говорил же тебе: это сон.

С папой Матюша и впрямь чувствовал себя храбрым. Папа взбил подушку, уложил его на бок.

– Ты сейчас уйдешь?

– Завтра нам с тетей Оксаной на работу, а тебе в садик. И я хочу спать.

– Скажи честно, ты был тогда в туалете?

– Когда?

– Ну… во сне. Тебя не было в спальне.

– Возможно. Возможно, я был в туалете. Во сне всякое случается.

– Папа, скажи: «Вот те крест».

– Зачем?

– Один мальчик в саду говорит: «Вот те крест», если не врет.

Папа засмеялся.

– Детсадовцы считают крестное знамение подтверждением высшей искренности? Спи, сердце мое.

– Ты тоже мое сердце.

– Да, мы сердца друг друга, – улыбнулся папа.

– И еще дяди Кости.

– И дяди Кости, – откликнулся папа эхом.

Лампу он оставил зажженной. Едва за ним закрылась дверь, Матюша сел в кровати и сосредоточенно уставился на портрет мамы. Ее взгляд был непроницаем. Волшебник… волшебник Христос… Если ты – настоящий, посмотри в мамино окно. Мой день рождения кончится, когда наступит утро, я же не опоздал загадать желание? Я расскажу правду о себе – вот те крест.

На хронику маленькой жизни ушло время двух с половиной оборотов секундной стрелки в командирских часах. Достаточно. Главные слова дались с трудом, но ведь из-за них и затевался разговор… Я хочу, чтобы тетя Оксана улетела в другую страну на глобусе и больше не мучила нас.

Матюша очень надеялся, что Христос не счел желание жалобой, а его – ябедой.

2

Крепкие крупные носы и подбородки вылепило братьям, судя по фотографиям деда, фамильное наследство. «Снегиревский флюгер», – небольно щелкал дядя Костя племянника по носишке, предвидя в нем семейный образец. На этом сходство, по мнению Матюши, завершалось, и он удивлялся людям, путающим близнецов. Папа превосходил брата в весе и силе, зато дядя Костя чаще побеждал в их любимом настольном теннисе, потому что двигался сноровистее. У них было разное выражение глаз: когда папа пребывал в благодушном настроении, его глаза подергивались мечтательной поволокой; дядины всегда смотрели с насмешливой прямотой. Папа работал в проектно-строительном

институте, дядя Костя состоял фотографом в штате городской газеты. Ряды представительниц прекрасного пола, еще незнакомые с противоречивым характером папы, считали его красавцем, чем он гордился без напускного смущения. Дядя Костя, не столь ими востребованный и, следовательно, меньше терроризируемый, находил свое умеренное положение благом и подарком судьбы. Папа с ликованием встречал любые резкие перемены погоды, дядя Костя грустил без солнца… Матюше они совсем не казались «двумя каплями воды», как о них говорили. Он с удовольствием дегустировал папины кулинарные шедевры и уважал ремонтное увлечение дяди. Местные жители вызывали дядю Костю, если у кого-то возникали проблемы с сантехникой или электричеством, – обожаемый соседками Константин Матвеевич устранял неполадки не хуже специалистов и делал работу за «спасибо». Правда, в начале девяностых стало понятно, что «спасибом» не отделаешься. В стране началось бурное строительство капиталистического рынка с человечьим лицом, и эта неистребимо совестливая советская физиономия в лице благодарных соседей принялась застенчиво настаивать на вознаграждении дяди-Костиного труда. Из-за дефицита налички оплата производилась бартером: продовольствием и книгами – вторым хлебом насущным.

Читали тогда все, жадно и много. По крайней мере, мужское окружение Матюши. Дядя Костя выписывал журналы «Новый мир», «Знамя», «Юность», первенство обладания свежим номером разыгрывалось в шахматы. Еще братья любили петь за праздничным столом. У папы был бархатистый, ласкающий слух баритон, но Матюшу в восторг приводил голос дяди – с глубокими, как гул из бочки, низами. В подражание ему Матюша старался петь в том же тембре и, по мнению друзей, вполне сносно выводил волнистым басом: «…и черемух серебряный иней уберет жемчугами роса-а-а-а…» А если Снегири глохли и цепенели на диване, устремив безумные глаза в экран, как на последний в жизни ускользающий берег, дело ясное – прямой эфир с футбольного матча! Слегка скучая, Матюша валялся рядом, и папа машинально поглаживал ему спинку шероховатыми пальцами. Зевать, впрочем, было опасно: вопя «го-о-ол!», забывчивый папа мог больно хлестнуть по плечу. В такие моменты дядя Костя гневно вскрикивал: «Ключицу ребенку сломаешь, осел Насреддина!» Животные воображаемого зоопарка заменяли братьям остальные ругательства. Кроме упомянутого осла, в этом резервате обитали глупый пингвин, лошадь Пржевальского, огородно-фауновый гибрид «хрен моржовый», некоторые виды обезьян и кое-какая деревенская скотинка.

Взбудораженный победой «своей» команды, папа стягивал Матюшу с дивана и подставлял ребячьим кулачкам твердый, не мягче боксерской груши, живот.

Матюша колотил по нему, а папа не уворачивался, только напрягал пресс, и мышцы красиво переливались под смуглой кожей. «Бей, не жалей, Матиуш! – подначивал он. – Ух, хорошо!» Довольные друг другом, отец с сыном, хохоча, наваливались на дядю Костю. Тот принимал игру со снисходительной ленцой, но поневоле включался в борьбу, и братья, роняя вещи, катались по полу, как жизнерадостные медведи. Матюша отважно нападал на обоих, награждал тумаками кого попало под сдавленные от смеха вопли: «Не по морде, гамадрил! Не по морде!»

…Он был их общим ребенком, их тщеславием и тревогой, средоточием жизни сверх работы и хобби, сверх родни, женщин и всего прочего. Они любили его как никого на свете. Матюша это знал.

С родным кланом Снегири не очень-то контактировали. Поскребыши, они родились вследствие ошибки, когда их маме, Мариам-апе, Матюшиной бабушке, исполнилось сорок семь. Она думала, что перешла в стадию пожилых женщин, пока в ней не засучили ножками близнецы. Взрослые дети рассеялись по городам и весям, мальчишки редко видели старших и не были к ним привязаны, подрастая в доме, где родители доживали свой век. Тем не менее, получив приглашение на свадьбу или юбилей кого-нибудь из Снегиревых-Ильясовых, братья просиживали за пивом и воспоминаниями до полуночи. На свадьбы ездили по очереди, на юбилеи брали Матюшу. Исполняли родственный долг, попутно знакомя с многочисленной второй, третьей и так далее водой на киселе. Семья все-таки. В случае чего сын не одинок.

Ни курортным, ни туристическим не был Матюшин город, когда-то выбранный Снегирями для жительства, и родственники у них не гостили. Позванивали по междугородке, отправляли фотографии в редких письмах. Детская память не в силах была вместить, кто есть кто, кто кому кем приходится, поэтому дядя Костя решил завести большой семейный фотоальбом. Искать подходящий отправились вместе за реку, где на набережной удобно расположились нужные магазины, кинотеатр и детский сад. На следующей улице возвышался главный поставщик садика – родильный дом.

Матюша кое-что знал о роддоме. Там работала акушеркой Элькина мама тетя Раиса. Элька сказала, что акушерами зовут врачей, помогающих женщинам выдавливать детей через разрыв в животе на специальных гинекологических креслах. Мальчики не поверили про разрыв. Тогда Элька притащила толстую медицинскую книгу с непонятными рисунками. Кроме пузатых женщин и

свернутых калачиком младенцев, художник изобразил в ней много всяких штуковин. «Вот кресло, – показала Элька на кушетку с приступкой и странными боковыми приспособлениями вроде вздыбленных стремян. – К этим держалкам привязывают ноги тетенек, чтобы не дрыгались, ведь живот больно рвется».

Дядя Костя купил роскошный альбом, обитый желтым плюшем, клей и кисточки. Матюша извлек из собранной кучи снимков цветную фотографию тетеньки с потомственным носом. В приличном возрасте и неприличном бикини, с сумасшедшей улыбкой на загорелом лице, она красовалась на фоне бескрайнего пляжного лежбища.

Весело хмыкнув, дядя Костя прочел подпись:

– С приветом из Сочи!

– Это моя двоюродная бабушка? – спросил Матюша наугад (две сестры деда до сих пор были живы).

– Нет, Матиуш, твоя двоюродная сестра Нина. Королева любопытства! Все про всех Снегиревых может рассказать.

– И про меня?!

– Даже то, чего ты сам о себе не знаешь, – подтвердил дядя Костя. – Зато никто лучше Нины не разбирается в нашем генеалогическом древе.

Матюше представилось фееричное исполинское дерево. Вместо веток на нем в разные стороны торчали гинекологические кресла, на которых лежали привязанные к стременам снегиревские-ильясовские тетки и выдавливали из себя бессчетных родственников.

– А вот ее муж Семен Петрович с сыном Лешкой, – продолжал дядя Костя, намазывая клеем уголки фотографии. – Когда тебе было полтора года, мы ездили отмечать тридцатилетие Семена Петровича и, пока пили чай в кухне, вы с Лешкой умудрились разрисовать стены содержимым горшка. Ты аккуратно доставал «краску» линейкой, а Лешка малевал руками. Недаром отец ассенизатором работает.

Через час Матюша испытал горячее чувство солидарности с престарелой сестрой Ниной. Он мог бы назвать себя королем любопытства! Истории «гинекологического» дерева оказались чрезвычайно занятными. На другой день мальчик пересказал их друзьям, благоразумно пропустив ремарку дяди Кости о настенной «живописи».

– Ассенизатором называется шофер на машине с бочкой. Она собирает какушку со всего города и превращает ее в большую зарплату.

Разглядывая фотографию Семена Петровича, Робик с сомнением сдвинул белесые бровки:

– Что-то, мне кажется, это вьяньё.

– Раз он не фокусник, значит, точно вранье, – заявила Элька.

Матюша вздохнул, не умея растолковать метафору. Никто из них еще не владел эзоповым языком.

– А вот дядя Рома у пианино. Бабушка Мариам купила ему пианино, когда был голод, и все ее ругали, но дядя Рома вырос музыкантом, и бабушку перестали ругать.

– У них что, совсем не было кушать? – удивился Робик. – Хлеба тоже?

– Ну, хлеб-то, может, был… Вот пирожных точно не было.

– Ой, какая красивая! – восхитилась Элька.

– Тетя Айгуль Ильясова. Она выиграла в конкурсе «А ну-ка, девушки!». Лучше всех показала купальный костюм.

– Почему у этого дяденьки нос кривой?

– Он тренер. Борец по спорту.

Матюша был полон сочувствия к тренеру дяде Борису. «Семейный» нос сплющила ему борьба, бедные уши размазались по бокам головы, как переваренные пельмени, из которых выпало мясо.

– О-о, жиртрест!

– Это тетя Лида, жена дяди Бориса. Весит больше ста кило, все стулья дома сломала.

– На чем же они сидят?

– Наверно, на полу.

– Лучше бы она села на диету. Надо есть четые яза в день и знать меу, а ужин отдать вьягу, чтобы побыстьей с ним помииться.

Матюша с Элькой уставились на Робика, распахнув глаза и рты. Не замечая уважения друзей, он с завистью смотрел в альбом. Робик не отказался бы и от «жиртрестов», у него с мамой, тетей Гертрудой, никакой родни не было. И папы не было. Во всяком случае, дома.

Матюша никогда не говорил с друзьями о маме, а Робик все уши прожужжал о своем отсутствующем родителе. Доктор Ватсон – такую кличку, взятую из телесериала о знаменитом сыщике, дало своему агенту спасательное управление мира. Настоящее имя этого таинственного человека было глубоко засекречено, и сын носил фамилию матери – Дюббен. Командир управления посылал неутомимого спасателя в горячие точки земли, где разворачивались военные действия или происходили катастрофы. Там доктор Ватсон лечил раненых и мстил обидчикам угнетенных.

Тактичные друзья не спрашивали Робика, почему папа не приезжает его проведать. Очевидно, Ватсон погиб в какой-нибудь катастрофе, а командир боялся известить тетю Гертруду о гибели героя, ведь она стала бы плакать. Так полагал Матюша, но Элька сомневалась, что командир молчит о судьбе Робикиного отца, потому что не выносит женских слез. Вот рядом с Элькиным папой постоянно лились эти самые слезы, и что? Он же выдерживал. Семья Рабиных состояла из мамы, бабушки, трех дочерей и всего одного папы. Элька с Тамаркой порой устраивали рев – никому мало не казалось, а самой плаксивой

была Майка, выдавленная из живота тети Раисы полтора года назад.

Рабины вшестером жили в однокомнатной квартире. Родители спали на диване, Майя – в решетчатой колыбели, старшие сестры на двухъярусной кровати, похожей на койки в кубрике. (Матюша почти до третьего класса думал, что кровать «двухъяростная».) Бабушка папы Эльки приходилась ей прабабушкой и обитала в углу кухни на раскладном кресле. Старушка плохо слышала, мелко трясла лицом, слабо обтянутым кожей цвета и вида абрикосовой косточки, и все забывала, даже снующих в двух шагах домочадцев. Сердито глядя на Эльку, шамкала:

– Деточка, иди домой. Скоро ужин, тебя дома ждут.

– Бабушка, это же я, твоя внучка, – обижалась Элька и смотрела на часы. – Никакой не ужин, всего четыре часа дня!

– Ясно, ты – внучка, – дрожала головой бабушка. – А они кто?

– Матюша и Робик, мои друзья!

– Ясно, друзья. Мама где?

– На работе, у нее смена сегодня.

– Не лги, деточка, – бабушка вытягивала шею и, отсутствующе глядя в стену, говорила напряженным голосом: – Моя мама умерла, я помню. Был дождь, и она умерла…

Дети убегали к Робику этажом выше. Никто из них не задавался вопросом квартирного неравенства. Они радостно перебирались из теснейшей комнаты Рабиных в терпимую тесноту Дюббенов, затем в трехкомнатные просторы Снегиревых на самом верхнем этаже и снова скатывались вниз. Мир казался огромным, в нем было много места, солнца, смеха…

Из дверной щели напротив квартиры Робика высовывалась грустно-гневная физиономия, увенчанная валиками крупных бигуди, и кричала, перекрывая игрушечный лай карманной собачки: «Топают, топают, чтоб вас разорвало!» На

друзей нацеливались три свирепых глаза и один меланхоличный. Два неистовых блестящих буркала принадлежали ушастому коричневому созданию породы чихуахуа по кличке Эсмеральда; с глазами хозяйки дело обстояло сложнее. Бороздящий щеку рубец тянул веко правого глаза вниз и придавал лицу старухи асимметрию трагикомической маски.

За вредность характера соседи прозвали Киру Акимовну Кикиморовной. Вызнать историю возникновения ее безобразного шрама друзьям не составило труда из разговоров взрослых. Драма произошла банальная, бытовая. В праздники муж Киры Акимовны надирался как цуцик, она нещадно его лупила, затем протрезвевший муж нещадно лупил ее. Домашние перипетии не мешали руководительнице жилищной конторы, кем она была, проводить кипучую деятельность на ниве коммунального хозяйства. Вздорную начальницу никак не могли выдворить на заслуженную пенсию. Она сама покинула хлебное место по причине скоропостижной смерти супруга и травмы, полученной в жестоком бою. Муж пропорол Кикиморовне щеку шпилькой ее туфли и той же ночью скончался от сердечного удара.

Вдова намеревалась жить долго. Завела для души животное, летом уезжала к дочери в какой-то морской город дышать полезным воздухом, а квартиру сдавала внаем. Остальное время шпионила за соседями и придиралась ко всем по пустякам. Детей Кикиморовна ненавидела. Нрав мексиканской собачонки не уступал в стервозности хозяйскому. Элька уверяла, что старуха не науськивает Эсмеральду только из-за ее малого роста. Будь чихуахуа повнушительнее, врачи замучились бы ставить детям района уколы от бешенства.

Лежа на индийском ковре – предмете особой гордости тети Гертруды, – друзья принялись изучать тонкий альбом семьи Дюббен. Ее «гинекологический» кустик состоял из двух живых и нескольких мертвых ветвей. Робик ткнул пальцем в фотографию с групповым портретом:

– Папа сбоку во втойом яду.

Ничем не примечательный дяденька, слегка полноватый, светловолосый, как сын, не производил впечатления героя. Мужчины на снимке были одеты в костюмы и белые рубашки, ни пистолетов, ни кортиков на поясах. Матюша старался не показать разочарования, Элька тоже. Почувствовав их скепсис, Робик пояснил, что в обычной жизни мировые спасатели носят будничную одежду. Это же не кино, где все понарошку…

Он вдруг расплакался. Из сумбурных, смешанных с рыданиями слов Матюша еле понял, что Робик не все рассказал об отце. Утаил главное. Ватсон взаправду погиб, как друзья и предполагали, но не в катастрофе, а дома, от руки предателя. Тот приехал издалека, якобы по секретному заданию, и притворился другом. Ждали тетю Гертруду с работы, отец жарил картошку со шкварками. Даже не успел вытащить из кобуры оружие.

– А я был маленький и не помню! – голосил Робик.

Матюша потрясенно переглянулся с Элькой. Их ошеломила неуловимая связь авантюры с обыденностью: спасатели, оружие и картошка со шкварками!

– Откуда ты знаешь, если не помнишь?

– Мама сказала… и запах, когда она кайтошку жайит… Я же кайтошку люблю… и шквайки…

Бесхитростное упоминание о любимом блюде убедило в реальности разыгравшейся здесь трагедии лучше клятв и доказательств.

Эльке все на свете хотелось уравновесить. Она предложила, чтобы папа Матюши женился на тете Гертруде.

– Тогда у вас были бы мама и папа, – радовалась Элька возможности соединить недостающие звенья, – вы стали бы братьями!

Робик бросил дикий взгляд на Матюшу, Матюша – на него. Заманчивая, конечно, перспектива обрести брата, но тетя Гертруда… бесцветная, с веснушками и толстой грудью… Мама?! Нет и нет.

Конфузливым голосом Робик сообщил, что отец, кажется, жив. Предатель его просто ранил, Ватсон сумел скрыться. Матюша облегченно кивнул. Элька вздохнула не без сожаления.

А в гибель спасателя они и не верили. Вообще не верили в смерть. Слова «умер», «погиб» подразумевали горе и слезы, но не смерть в том значении, которое придавали ей взрослые. Она представлялась детям не антиподом жизни, а чем-

то вроде дороги, перехода в город за облаками без права вернуться. Только и всего. Это было очень интересно, но не менее интересно и на земле. Почему, например, человек ходит на двух ногах и не падает – стулья же падают на двух ножках? Почему язык прилипает зимой к железу на улице? Зачем люди стареют? И так далее.

У друзей в одно время выпали молочные зубы. Матюша и Элька шепелявили почти год, а Робик, в чьем имени р-раскатываются две буквы «р», картавил. Не помогли занятия с логопедом, легкая картавость осталась у Роберта, хотя люди его национальности произносят звуки твердо, в отличие от другого народа, «картавого». Дети тогда не знали, что представляют разные этносы, а Матвей даже два. Еще не встречались на их пути недоумки, полные ненависти к «чужим». Зато, когда Робик научился читать и скоро начал читать взахлеб, друзья узнали об ирокезах и команчах, об испанских конкистадорах и бесстрашных парнях из Фландрии, о папуасах и человеке с Луны. Доктор Ватсон в рассказах Робика превращался то в охотника за львом-людоедом, то в разведчика… Матюша с Элькой давно поняли, что Робик врет, но не уличали его во лжи. Если честно, Матюша тоже здорово привирал, пересказывая со слов дяди Кости новые истории о своих родственниках. Элька любила слушать. Она чисто по-женски сознавала, что мальчиков всегда несет от невероятности и многообразия жизни, и неслась вместе с ними.

3

Гербарии, собранные с тетей Гертрудой, заняли в школе три первых места, а конкурс с домашним заданием нарисовать животных края троица провалила. Тетя Раиса взялась помочь, но художницей оказалась неспособной. Поправляла, поправляла, и звери в конце концов вышли одинаковыми. Для ясности пришлось под каждым рисунком поставить подпись: «Медведь, волк, лиса». Учительница не смогла сдержать смех.

С Матюшиным папой дети зубрили таблицу умножения, с дядей Костей учили стихи. Их особенно много задавали в третьем классе. Робик с Элькой запоминали стихи с лету, память Матюши, предпочитающего игру книге, была скромнее. Однажды он получил тройку за диктант, и дядя Костя бодро сказал, что патологически ленивые ученики вполне могут рассчитывать в будущем на

должность сторожа. Роскошная работа – ходи себе, охраняй, сбивай сосульки или смотри телевизор, еще и деньги при этом платят. Правда, маленькие.

Братья готовили жаркое и резали овощи на салат. Аппетит у Матюши пропал от расстройства. Хотелось спать. Хотелось скорее вырасти и получать хорошую зарплату за необременительный труд. Он опрометчиво спросил, есть ли такой.

– Пиши романы, – буркнул папа.

– Это сложно?

– Легко. Пришел, увидел, написал.

– Правда? – не поверил Матюша.

– Весь апрель никому не верь, – усмехнулся дядя Костя.

Пока папа, чего доброго, не влепил подзатыльник за глупые вопросы, Матюша счел за лучшее удалиться. Прикрыл за собой дверь кухни и замер, услышав дяди-Костино:

– Легко, говоришь, писать романы? Сам-то решился бы?

– При такой пахоте! Девятый объект сдаем, роман мне только снится.

Дядя Костя засмеялся:

– Сквозь пахоту? Летят, летят лихие кобылицы и мнут тахту?

– Это ты о чем?

– Это я о тебе. За последний год ты сменил трех женщин.

– Зависть – гнуснейший из грехов.

– Сладострастье не лучше.

– Тоже мне монах…

Обмениваясь репликами, как уколами рапир, братья шаркали шлепанцами между столом и плитой.

– Пиши сам, ты же у нас газетчик.

– Я фотограф.

– Дарю идею – роман в фотографиях. Отвори людям свое бессловесное сердце.

– Мерси, боюсь не оправдать надежд.

– Тогда традиционно, в словах.

– А знаешь, иногда, правда, тянет на мемуары, – признался дядя Костя, помедлив.

– Стареешь, брат.

– Пожалуй. Что-то такое маячит между репортажами. Уже название придумал: «Бабы в его жизни».

– Роман про меня?

– Размечтался. Про меня.

– Как-то не изящно.

– О бабах только высоким штилем?

– О бабах высоким не обязательно. О дамах – можно.

– А о женщинах?

– Промежуточным.

– Не спорю с твоим опытом.

– Ну да, из твоего-то опыта роман не скроишь. Так, повестушку с парой женских персонажей.

– С четырьмя. Причем главный герой – я, не какая-нибудь Оксана.

– Ой, не заводи старую песню!

– Ты какой у нее по счету?

– Говорит – третий.

– Ага, «сто» забыла добавить…

– Да ладно тебе…

– Что ж, прощаю грехи твои, ибо не ведаешь…

– Себялюбец. Я у тебя главный. Брат в твоей жизни.

– А помнишь у Цветаевой: «Я колдун, а ты мой брат. – Ты меня посадишь в яму!»

– Глянь-ка, брат, какой салат – хоть в рекламу!

Братья приготовили на стол.

– Матиуш, обедать! – позвал папа громко.

За едой они говорили о чем-то еще, малоинтересном. Матюша не вслушивался. Его бессловесное сердце трепетало и предчувствовало. Он решил стать писателем.

Литературное творчество началось с фельетона, критикующего домашнее руководство за курение и пристрастие к пиву. Руководство обидно высмеяло отсутствие чувства юмора и грамматические ошибки автора. Тогда он написал рассказ «Картошка со шкварками», посвященный разведчикам. Дядя Костя прочел и предложил:

– Давай-ка, Матвей, без фантазий на тему семнадцатого мгновения весны. Скоро День Победы, попробуй написать о дедушке. Сможешь – увидишь свою пробу пера на детской странице в субботней газете.

Матюша сразу понял, о чем будет новый рассказ, и название придумал с ходу:

– «Случай на Эльбе»!

Эту историю знала только семья Снегиревых-Ильясовых, а скоро в его пересказе узнали читатели «Вечерки».

«Мой дедушка Матвей Михайлович Снегирев воевал на фронте. Когда фашистам пришел конец, наши солдаты встретились на реке Эльбе с союзниками. Это были американцы. Дедушка очень удивился, потому что впервые в жизни увидел негра. Он с ним познакомился. Дедушка знал несколько слов на немецком языке, негр тоже знал. В основном они разговаривали жестами, но хорошо понимали друг друга и гуляли по берегу. На набережной стояли дома. Одно окно было низкое. Негр заглянул в него, приметил красивые часы на стене и забежал в дом. Дедушка пошел за ним и увидел, что негр сорвал часы со стены, а испуганные люди сидят за столом и молчат. Тогда дедушка постарался объяснить союзнику, что так делать нехорошо, даже если ты победитель. Негр сначала не хотел отдавать часы, но потом все-таки отдал. Их повесили на место. Когда негр и дедушка были уже у двери, его остановила старая женщина. Она открыла буфет, достала из ящика серебряную ложку и подарила ее дедушке на память. Он отказывался взять и говорил: «Данке, данке». По-немецки это значит «спасибо». Но женщина все-таки настояла на своем. А потом она подумала и решила поступить по справедливости: подала такую же ложку негру. Ему стало совестно. Он сказал: «Данке» и, наверное, покраснел, но этого не было видно, потому что у негров кожа черная. Они опять пошли по берегу. Дедушка показал на себя пальцем и сказал: «Я коммунист». Негр обрадовался. Он понял, что коммунисты не берут без спросу чужие вещи. Эта немецкая серебряная ложка хранится у нас до сих пор, как память о дедушке. Свое имя я получил в его честь. Скоро я стану пионером, а потом комсомольцем и, может быть,

коммунистом, как мой дедушка Матвей Снегирев, солдат и победитель».

Дядя Костя исправил ошибки и – о, чудо! – рассказ взяли в газету. Матюша налюбоваться не мог на подпись в листе верстки: «Матвей Снегирев, 9 лет».

– Без трех месяцев десять, – скорректировал он, чувствуя, что познал себя в писателях. Вернее, писателя в себе.

Матюшу приняли в пионеры. Весь май он купался в лучах славы. Первоклассники ходили смотреть на него группами, учителя хвалили, а вожатый Юра зачитал рассказ перед своим седьмым «б» вместо политинформации. Апогеем же был гонорар – целых четыре рубля пятьдесят восемь копеек! Матюша заработал первые деньги, был вправе сам их прокутить, поэтому в воскресенье уговорил Робика с Элькой сбежать ненадолго в парк.

В парке чудно пахло свежей листвой и копчено-перечным дымом шашлычной. Друзья постояли у парапета набережной, обсуждая, спустить заработок в тире (для мировых спасателей, убеждал Робик, меткость – одна из первостатейных необходимостей) или всласть покататься по кругу верхом на лошадях.

Река шла спокойно и вольно, не то что весной в ледоход. Вдоль песчаного берега черной взлохмаченной косицей тянулась линия валежника и веток, нанесенных половодьем с верховий. Убывающая вода оставила угольные полоски на каменных опорах моста, – так же папа через каждые полгода помечал рост сына на боковом наличнике двери детской комнаты.

Элька вдруг охнула и прижалась к Матюше: к мосту приближались два паренька – белобрысый и пепельноволосый, точно два веселых гуся из детской песенки. Старше друзей года на три, мальчишки походили на своих вечно подпитых отцов, обитателей беспорядочного околотка, скучившегося на берегу за парком: лачуги лепились одна к другой, без намека на электричество и другие блага цивилизации. Стихийное поселение не значилось на городской карте, но было всем известно под устным названием Бомжовка. В выселке жили когда-то зэки, отбывавшие сроки на «химии». Кирпичные руины завода с вредным производством, где они работали, до сих пор мрачно темнели вдалеке. Теперь здесь обосновалась сборная люмпенская «солянка», быстро умножившаяся в обесточенной перестройкой стране. Власти постоянно грозились снести самопальный «Шанхай», но расселить людей было некуда, нянчиться с

алкоголиками и тунеядцами никто не хотел, и злокачественная опухоль продолжала разрастаться за белокаменной спиной города.

Пронырливые и зловещие, как тени оборотней, потенциальные бандиты целеустремленно направлялись к набережной. Их, вероятно, привлекли командирские часы, сияющие издалека на руках друзей. Кругом было безлюдно.

Догадка оказалась верной. Через минуту после попытки формально-корректной экспроприации Матюша полетел на асфальт, словно наждаком ожегший щеку, и сознание затуманилось.

Кровь хлестала из носа, кто-то уже освободил от часов запястье. Сквозь заволоку слез Матюша увидел, что Робик лежит на песке за краем асфальта со стиснутыми крест-накрест руками, подтянув к подбородку колени. Белобрысый силился разогнуть его локоть. Застывшая в ужасе Элька сидела рядом, втиснувшись в выемку балюстрады. А еще Матюша краем глаза приметил в нескольких шагах от своей головы камень величиной со среднее яблоко. Булыжник так и просил найти податливую мишень. Если молниеносно подползти, вскочить, как пружина, схватить камень и… Увы, проворные гангстеры Бомжовки опередили бы попытку.

Липкая кровь заливала рот. Сглатывая, Матюша ощущал солоноватый, железистый вкус истекающего тепла. Белобрысому наконец удалось распрямить руку Робика. Вдавив его ладонь ботинком в песок, грабитель стал отстегивать часы. Второй нетерпеливо приплясывал сбоку от Эльки:

– Быстрей! Сейчас автобус пройдет, узырят!

– Не трусь, Серый, – проворчал белобрысый, пыхтя. – Погоди, тут застежку заело, и ремешок сидит туго.

– Долго возишься, – нервничал пепельноволосый, стреляя в стороны тревожными рысьими глазами. Кличка у него была подходящая: Серый. Серый волк. Разбойник и тать.

– С рукой рвать, что ли? Этот, гад, царапается же еще…

– Рви с рукой!

Матюшин нос свистяще всхлипнул, воздух с надсадой ринулся в переносье сквозь закоулки сломанного хряща. Выплевывая вязкие сгустки прямо на ворот рубашки, Матюша лихорадочно прикидывал цепочку движений: «Подползти… Подползти, схватить камень…» Рысьи глаза следили за его рукой. Серый небрежным пинком отправил несбывшееся оружие в сторону и соскочил с асфальтовой дорожки в песок.

– Давай-ка, я дерну, а то нас поймают.

Отчаяние заставило Матюшу приподняться к парапету, но скользящие пальцы тщетно цеплялись за круглые балясины перил. Серый бросил на слабака презрительный взгляд:

– Надо же, шевелится, – и склонился над Робиком.

Они не видели, что Матюша сумел встать. В голове шумело, туманный прибой качал волны песка и зелени, не давая сосредоточиться зрению. Робик ухитрился извернуться, красное пятно футболки слезло с него, будто струп. Следующее мгновение сделало бы честь любому сыщицкому псу: Робик впился зубами в мякоть над сгибом кисти белобрысого, и тот закричал. Крик послужил сигналом Матюше, вспышка ослепительной чистоты вернула глазам яркие дневные краски. Оттолкнувшись, как для нырка, он ничком сиганул Серому под ноги и, насколько мог крепко, оплел его щиколотки руками. Снова прыснувшая из носа кровь обрызгала врагу штаны.

– Сука! – выругался Серый по-взрослому, схватил Матюшу за волосы и отогнул голову кверху.

…Миг жизни перед казнью может удлиняться, обретая каучуковое свойство растягиваться. Матюша в этом убедился. Он висел под кулаком Серого на собственных волосах, со скошенными к вискам глазами, как китайский болванчик, белобрысый рвал свою руку из зубов Робика, а по небу плыли безмятежные облака, и одно напоминало расплывшегося в синеве крокодила. Единственное, что было понятно с предельной ясностью, – что сейчас будет так больно, как не было еще никогда. Сейчас… Но резвые ноги Серого двойным поршнем крутнулись в кольце рук Матюши. Ослабив хватку, он уткнулся

многострадальной головой в песок. Все это тоже произошло вмиг, потому что очнулась и завизжала Элька.

Пронзительный визг, на грани ультразвука и гудка милицейской сирены, штопором взвился в небо, разнесся розой ветров и взвихрил нежные листья деревьев – так почудилось четверым мальчишкам. Никакие булыжники не сравнились бы с невыносимой, невесомой тяжестью звука, который способна извлечь из себя женщина. Даже такая маленькая, как Элька. Его нематериальное действие произвело эффект красной кнопки, внезапно включившей сигнализацию под носом у налетчиков. Парк ожил, и над водой заполошно раскричались чайки.

Сидя на земле, оглохшие и растерянные, Робик с Матюшей наблюдали, как неприятели драпают по мосту на другой берег. А Элька, приставив ладони к щекам, продолжала визжать, словно ее накопленный в молчании голос прорвал в горле плотину и вознамерился заполнить собой все окружающее пространство. Причем звуки были не безотчетными, теперь в них различалось вполне определенное слово.

– Ватсо-о-он! – с вибрирующим надрывом взывала Элька. – Ватсо-о-о-о-он!!!

Набрав полные легкие воздуха, она уже просто крикнула:

– Ватсон! – и затихла. По тропинкам из парка бежали люди.

Собравшиеся вокруг женщины ахали и негодовали:

– Опять Бомжовка! Да сколько же можно терпеть? Да уберут ли когда-нибудь этот рассадник?!

Двое мужчин помчались было догонять преступников, но скоро вернулись, грозясь отправить в выселок милицию. Элька успокоилась, Робик выглядел слегка помятым, всех перепугал окровавленный, извалянный в песке Матюша. Симпатичная девушка в очках, с сумкой-рюкзаком через плечо, повела его к реке и помогла умыться. Он вкратце рассказал о нападении. Девушка посоветовала не ходить в парк без взрослых, и пришлось признаться, что улизнули без спроса.

Остаточная дрожь сотрясала Матюшу, страшно саднило располосованное асфальтом лицо, но он собрался покататься на красивых конях. Деньги же не отобрали? Нет. Вот они деньги, в кармане. Дядя Костя всегда говорил: «Начал дело – доведи до конца». Вика, так звали девушку, пресекла этот порыв, спровоцированный, похоже, подавленным приступом истерики, и поднесла к лицу Матюши карманное зеркальце:

– Посмотри на себя.

Видок у отражения впрямь был обескураживающий: ободранная щека налилась брусничной спелостью, нос покраснел и распух – намека не осталось от папиной гордости и красы. Но убедила Матюшу к смирению не нужда в срочном врачебном осмотре, а слезы Робика. Он не плакал, слезы просто стояли у него в глазах, как осколки разбитого стекла. Элька помалкивала. Наверное, выдохлась. Вика присела перед ней на корточки:

– Забыла спросить, какого Ватсона ты звала? Доктора Ватсона?

– Да, спасателя.

– Есть такой спасатель?..

– Есть… Далеко.

Элька не сказала, что доктор Ватсон – папа Робика.

Вика взялась проводить детей. Решила все объяснить их домашним. Лишь тогда, по ее словам, Матюша мог выйти из-за двери и показаться на глаза своей маме. Вика думала, что мама испугается, с пылу-жару увидев сына в таком жутком состоянии.

…Мама Матюши. Дети промолчали.

Вике не пришлось разговаривать с мифической мамой, а Матюше – прятаться за дверью. Дверь распахнулась, как только поднялись, и он закрутился в безумном торнадо. Снегири вылетели за порог, словно ждали у глазка. Матюша вращался в их руках из стороны в сторону, вертелся флюгером двух чокнутых ветров. Дядя

Костя о чем-то спрашивал, папа чему-то возмущался, они перекрикивали друг друга и не давали вставить ни слова. Оба в страхе разглядывали и ощупывали лицо, лоб, затылок Матюши, будто на нем выросла борода или дополнительные уши. Он начал отбрыкиваться, умирая от стыда. Вику, несомненно, ошарашила гипертрофированная родительская любовь двух одинаковых мужчин при полном отсутствии мамы. Матюша вдруг и сам удивился необычности своего семейного треугольника.

Эти сумасшедшие, наконец, заметили стоящую поодаль девушку. Дядя Костя оставил голову племянника в покое, а папа сразу подобрался.

– Извините, – сказали они в унисон, и Вика засмеялась.

– Мы уж думали, что они удрали на речку и утонули, – принялся оправдываться папа. – Собрались идти искать…

У Робика оказался сломанным растоптанный мизинец. В рассказах о докторе Ватсоне появились детали драки с уркаганами. Матюша начал мечтать о карьере сыщика и детективных мемуарах, которые он напишет, когда постареет. Его наказали за побег: обещанный «взрослый» велосипед не был куплен. Но Матюша не унывал, раскатывая с друзьями на велике, доставшемся Эльке от туристического прошлого ее папы.

Через несколько дней после происшествия дядя Костя принес целехонькие командирские часы. Каким образом он добыл их у мальчишек, Матюша так и не узнал. Спустя три года, несмотря на ухудшение экономической и прочей ситуации, Бомжовку снесли. Тогда же Матюша встретил белобрысого у овощного ларька. Паренек был в новой синей спецовке и таскал в подсобку ящики со свеклой. Кивнув Матюше, как старому знакомому, белобрысый устало улыбнулся. Они жили совсем в другой стране. Пионерские галстуки в этой стране дети уже не носили, бомжи стали привычной атрибутикой вокзалов и рынков, а владельцы частных магазинов брали подростков на тяжелую работу.

Фамильная красота поврежденного носа восстановилась без последствий, вместе с доступом воздуха и обонянием. Ссадина на щеке, как обидная пощечина, не сходила долго. Вика же с того памятного дня стала приходить к Снегирям в гости.

4

Вика была симпатичной на первый взгляд, а если смотреть дольше, выяснялось, что она просто необыкновенная красавица, из тех девушек, которых киношники ищут для съемок русских народных сказок. Вот только высокая, и очки. Впрочем, они ее не портили, скорее, осовременивали и придавали деловитой серьезности. А когда Вика их снимала, ее солнечные карие, с зелеными искрами глаза расцветали, как весна. Сравнение глаз со временем года пришло не к Матюше. Это дядя Костя начал время от времени припевать старую песню: «Когда взглянула на меня она, поверил я, что в мире есть весна». Папа готовил изысканные блюда к Викиным визитам. Матюша вдруг с неприязнью задумался о связи его кулинарной активности с увлечением новыми женщинами. Неужели с Викой папе скоро тоже станет невкусно?.. Как бы то ни было, оба брата, кажется, влюбились в нее.

Матюша изо всех сил старался, елико возможно, обелить и приукрасить перед девушкой суетную, соревновательную, полную веселого бреда мужскую жизнь их дома. Впервые размышляя о хрупкой природе человеческих отношений, он понял, что люди интересны друг другу лишь поначалу и, желая выглядеть лучше, чем есть, скрывают свои недостатки. Неприглядные края характеров обтачиваются не навсегда, рано или поздно наступает разоблачение. Разочарованные друг другом, люди могут отдалиться, если еще не привязались настолько, чтобы снисходительное взаимопонимание поддерживало их приятельство, как резиновый круг на воде. Как резиновый круг, способный сбалансировать товарищеский дрейф до закрепления настоящей дружбы.

Вика работала в гуманитарном институте. Рассказы об экспедициях по сбору фольклора, истории происхождения слов восхищали Матюшу. Он стал настороженно прислушиваться к шутливым перебранкам Снегирей. Его теперь просто бесили их убойные словечки и двусмысленности! Мысль о том, что эти пожилые – по тридцать седьмому году! – дядьки, забывчивые в запале, начнут, как всегда, обзывать друг друга ослами и моржовыми (…!), приводила в ужас. И, когда дядя Костя заявил, будто знает массу именных частушек, Матюша напрягся, готовый перебить и отвлечь. Вика простодушно спросила:

– А про Вику?

– Даже две.

– О!

Скроив постную мину, дядя Костя запел:

– Вика-вика, чечевика,

Чечевика с викою.

Подержи мой ридикюль,

Я пойду, посикаю.

– Частушка вообще-то о растении, я ее знаю, – сказала Вика. – А вторая?

Матюша не успел устроить вулканический взрыв, сопровождаемый громом небес и фонтаном кипящей магмы. Дядя Костя кивнул с солидной готовностью:

– Вот:

Вика-вика, чечевика,

Чечевика с макою.

Подержи мой ридикюль,

Я пойду…

Все пропало, все! Матюше хотелось провалиться сквозь землю. Девушка, конечно, обиделась и сейчас уйдет навсегда! Но Вика, смеясь, воскликнула:

– О, эту не знаю! – и записала что-то в блокнот.

Они пели частушки по очереди до тех пор, пока снизу не застучала шваброй в пол – вернее, в свой потолок, – Кикиморовна. Донесся ее слаженный с собачкой Эсмеральдой лай:

– Чтоб вас, гав-гав, душманы, гав, на талибан порвали!

С легкой руки соседки завязался разговор об афганской войне. Дядя Костя сказал, что с моджахедов сполна надо спросить за наших погибших пацанов… И Вика внезапно завелась.

– Не кажется ли вам, что разглагольствования о мужском боевом духе и военном предназначении опасны? Что они бесчеловечны… и – лживы?! Развороченная земля, трупы в лужах крови, страх, смерть… ради чего? Ради кого, если на твоей родине не палят пушки? Матери по всей стране получают цинковые гробы вместо сыновей. Тысячи гробов – только потому, что наши власти стремятся укрепить свои позиции в чужой стране!

– У любой страны такое желание, – возразил папа. Вика оборвала:

– Да, подавить чьи-то реформы, прибрать к рукам мир! Вторая мировая никого ничему не научила. Но мы-то в ней были хоть освободителями! А сейчас? Правительства ведущих стран страдают какой-то паранойей, в Кремле тоже не миротворцы сидят, вспомните Пражскую весну… Пропаганда отлично натаскана на спекуляцию любовью к родной земле. Паразитирует на патриотизме, дурит людям мозги, превращает мужчин в сборище маленьких гитлеров. И снова мы обречены на возвращение ненависти! На потерянные поколения и убийство мальчишек… Вам нечего сказать?

Вопрос она задала после минуты минорного, словно поминального молчания. Матюша заметил, с каким удовольствием мужчины наблюдали за Викой во время ее эмоционального всплеска. Задело, что не восприняли Викины слова всерьез. Беседа об «афгане» не была первой, подобные разговоры велись и при тете Оксане. Вот уж она-то откровенно зевала. Благовоспитанно прикрыв рот ладонью, но откровенно…

– Ты у нас, Викочка, оказывается, либералка, – усмехнулся дядя Костя.

– Просто здравомыслящий человек, – сказала она сухо.

– Здравомыслящая женщина, – поправил папа с невинной кротостью.

– Викочка, давайте оставим кесарю… Никто не хочет войны, и мы отслужили свое. Не народные мстители, просто солдаты запаса. Но присягу помним. Она в

нас, как штык, сидит.

– Ну, лишь бы голову не пробила, – улыбнулась Вика.

…В некотором смысле Матюша был признателен Серому и белобрысому. Благодаря им он узнал, что на свете живет такая чудесная девушка – умная, задорная, с не очень-то покладистым характером и толковым мнением обо всем. Викин негромкий чистый голос приятно разнообразил домашнее трио. Со Снегирями она могла проспорить на всякие темы до позднего вечера. Друзья Матюши, да и сам он называли ее просто по имени, на «ты», без всегдашнего присловья «тетя». Вика, как девчонка, с упоением играла с ними «в чтецы». Становясь чтецами по очереди, они накидывали покрывало на нее, присевшую за спиной, и прятали руки назад, а вперед из-под мышек высовывались ее бойко жестикулирующие руки. Испытанием было с выражением прочесть стихи и ни разу не сбиться, не засмеяться, пока ухохатываются остальные.

Стихотворение «Случай в подъезде» Мусы Джалиля[1 - Перевод с татарского Юрия Кушака.], любимого поэта Матюшиной бабушки Мариам-апы, Робик читал без тени улыбки, а проказливые руки почесывали его голову, норовили сунуть палец в нос и вообще жили бурной личной жизнью. Матюша с Элькой животы надорвали от хохота… Потом Вика рассказала о судьбе Джалиля. Фашисты заключили его, раненого, в концлагерь. В плену поэт помогал бежать военнопленным, и некоторым удалось вынести тексты его стихов. Веселый «Случай в подъезде» вошел в список почти ста стихотворений «Моабитской тетради», озаглавленной так по названию тюрьмы. К бывшим пленным на Родине относились с подозрением, и несколько доставленных ими поэтических тетрадей пропали бесследно в ведомствах, отвечающих за государственную безопасность. Джалиль не узнал ни об этом, ни о том, что будет посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Его казнили в берлинской военной тюрьме Плётцензее…

Робик закрыл лицо ладонями – заплакал. Вика сначала растерялась. Потом, погладив голову Робика, мягко сказала, что ему нечего стыдиться за своих соплеменников. В концлагерях по всей стране также погибали немецкие антифашисты. В то время нацизмом – воинствующей манией величия – были поражены не только немцы, но и люди других национальностей, даже народы. Больная идея превосходства одной нации над остальными, увы, не редкость на земном шаре, а Германия – великая страна, ей есть кем гордиться. Германия подарила миру множество талантливых композиторов, художников, поэтов,

писателей и ученых. Вика вспомнила об австрийском естествоиспытателе Конраде Лоренце. Ученый был нацистом, в войну служил в вермахте, потом попал в советский плен и отрекся от своих убеждений. У него много интересных трудов и книг, – например, замечательная книга о собаках «Человек находит друга»… Ловко переменив тему, чтобы успокоить Робика, Вика принялась обсуждать с ним и Элькой приключения книжных собак. Матюша, знакомый только с «Соленым псом» и «Алым», позорно молчал.

Он решил срочно пополнить свой незначительный читательский запас. Записался в библиотеку и скоро так увлекся, что с трудом выныривал в явь из бумажных странствий. Путешествия в глубину невероятных событий, проекция на себя неиспытанных чувств, – о, Матюша полюбил книги! Чтение захватило его неискушенный ум, а позже стало частью жизни.

Как-то раз отправились по грибы. Осень выдалась торопливая, ранняя, уже в августе в зелень вкрапилась медь. Лес, полный крепленых солнцем запахов, отчаянно боролся с увяданием. Черные кружева тлеющих грибниц издавали странно заманчивый душок моховой прели. Неопытная Вика набрала в корзинку поганок. Матюша выкинул их и рассказал все, что знал о грибах. Ему повезло вывести сборщиков на «ведьмино кольцо» – четко очерченный круг свежайших желтых маслят, мелких и блестящих, как латунные пуговицы. Вика, по ее словам, в жизни ничего подобного не видела и смотрела на Матюшу так, будто он сделал всемирное открытие. Во все глаза. Во все свои весенние глаза.

Чуть пригашенные диоптриями очков, они сияли и тогда, когда обесцветилось небо. В ожидании Вики Матюша учил уроки на подоконнике, вглядываясь в дождливое окно. Ее высокая легкая фигурка с мальчишескими плечами летела в дымчатом моросе с остановки, точно стебель под несорванной чашечкой зонта.

Первому снегу Вика радовалась, будто первому в жизни. Бегала с Матюшей в кафе «Эскимо» у парка. Брали сливочное в бумажном пакете навынос, уверенные, что в снегопад мороженое вкуснее. Пышный пух лежал на шапках, снежинки забивались в челки и вынуждали Вику то и дело протирать очки. Нежные хлопья опускались бесконечно, неправдоподобные в своей невесомости, и неправдоподобным был парк – перевернутое в облачных сугробах небо. «Вот мы уйдем, а елки в балетных пачках поплывут в танце маленьких лебедей», – сказала Вика.

В том году Матюша начал «слышать» стихи, их словесно-музыкальное витье. Даже пытался что-то сочинять. Кровь-любовь, розы-морозы. Кстати, в выборе цветов Вика была не оригинальна, ей нравились розы. Папа каждую неделю дарил их Вике и перед вручением слегка сбрызгивал букет из опрыскивателя. Капли светились на лоске тугих лепестков, как стеклянный, рассыпанный по вишневому атласу бисер. Исподволь распускался папин с Викой осторожный роман. Матюша чувствовал себя его трепетной завязью, неотъемлемой частью, страшно довольный своим содействием.

Он, конечно, давно уже не верил в город за облаками и Христа, которого в дошколятах считал волшебником, но еще прошлой весной фантазировал, как мама выходит из темной багетной рамы, будто из небесного окна. Мамина улыбка оживала, слышались ее шаги, голос, смех. Жизнь в доме становилась такой… такой… праздничной? Счастливой? Не хватало воображения представить, какой бы она стала. А теперь Матюша не мог смотреть на портрет мамы. Он изменил ей с Викой.

5

Напрасно Матюша с папой надеялись, что тетя Оксана отстала от них навсегда, если не навещала аж с марта. Она появилась перед новогодними каникулами. Матюша прибежал домой радостный, собираясь похвастаться дневником без единой тройки за четверть, но едва папа открыл дверь, по расстроенному его виду понял – случилось что-то неприятное. Полураздетый папа прыгал на одной ноге, не попадая в брючину, хотя обычно не переодевался, приходя в обед. Просто снимал пиджак и накидывал поверх рубашки желтый, с золотисто-медовым отливом, шелковый халат.

Папин халат обнаружился на тете Оксане. Вытирая мокрые волосы полотенцем, она вышла из ванной и показалась бы привидением в сумраке коридора, если бы свет из двери детской не упал на ее румяное лицо.

– Ну, здравствуй, малыш, – обнимая Матюшу за плечи, тетя Оксана опахнула его ароматом Викиного шампуня.

Матюша только кивнул, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать.

– Гляжу, вы тут с папой не скучали, – она встряхнула волосами, обдав коридор душистой водяной пылью. – У вас была гостья. Да?.. Да? Я тебя спрашиваю, малыш.

– Вика – не гостья, – сказал Матюша угрюмо. – Она живет с нами.

Это было не совсем так. Вика жила здесь половину недели, а другую – со своими родителями где-то в центре города, но Матюша, торопивший события, уже считал ее «нашей». Не мамой, не мачехой, не подругой отца. Просто – «нашей Викой».

– Живет, говоришь? Что ж… – тетя Оксана криво усмехнулась. – Пусть живет. А я буду ходить в гости, я же ваш старый, преданный друг… Так ведь? – она повернулась к папе и, не дождавшись ответа, включила фен.

Папа налил себе кофе в чашку с изображением Царь-колокола, подаренную Викой.

– А мне-е? – капризно протянула тетя Оксана, и папа молча подал ей стакан с кофе, плеснув в него молока.

– Не успел забыть, что с молочком люблю, – ухмыльнулась она, размешивая сахар. Голос у нее был сочный, влажный, будто тоже выкупался под душем. В голосе слышались одновременно довольные и полувопросительные нотки. Тетя Оксана явно чувствовала себя так, словно наконец-то вернулась после долгой отлучки домой. Блаженствовала, потягивая кофе. Сказала, что хочет есть. Откинулась в угол дивана и растянула по нему голые ноги – длинные смуглые ноги, точно литые из бронзы и не далее как вчера загоравшие на курорте. Они красиво выделялись в отогнутой поле халата на родственном по цвету и гладкости шелке. Папа поставил на стол тарелку – сырный салат с семгой. Тетя Оксана в насмешливом удивлении приподняла надломанные крылья бровей.

– Узнаю даровитую руку губителя сердец, шеф-повара по совместительству! Ты, как всегда, на высоте, Мишуля.

Она одна называла папу Мишулей. Матюша ненавидел это имя. Ненавидел эту женщину.

– Вкуснотища, – причмокнула она, – где ты достаешь деликатесы?

Папа снова проигнорировал вопрос. Матюша заметил, что ее розовые масляные губы точь-в-точь такие, как розовые масляные кусочки семги.

– Пора, – папа постучал по циферблату наручных часов. – Одевайся, на работу опоздаю.

Тетя Оксана неторопливо вытерла рот салфеткой.

– Я не спешу. Мне еще макияж навести, волосы не совсем просохли, и юбку погладить надо. Юбка, видишь ли, измялась…

– Одевайся.

Она рассмеялась и встала, держа в зубах красный зажим для волос в форме краба. Демонстративно медленно принялась расчесываться.

– Вечером придет Вика, – сказал Матюша.

– Так еще не вечер, – усмехнулась она. – Не беспокойся, малыш, я сейчас уйду. А завтра вернусь в это же время. Может, чуть раньше. Ты будешь в школе…

– У нас начались каникулы, – пробурчал он.

Папа вдруг глухо взмыкнул и саданул кулаком о стенку посудного шкафа. Чашки в нем изумленно задребезжали.

– Ладно, Мишуля, если так настаиваешь, – пожала плечом тетя Оксана и подмигнула Матюше: – Не унывай, малыш!

Они ушли. Матюша бросился на кровать и хотел поплакать, но стерпел. «Мужчины не плачут ни при каких обстоятельствах», – говорил папа, если сын хныкал, порезав палец.

Матюша давно избегал глазами мамин портрет и даже порой подумывал, не убрать ли его со стены. А тут заставил себя повернуться и взглянуть.

Мама. Прости.

Она ничего не сказала. Застывшее отражение, цветная тень. Фотографии не разговаривают, их рты немы, и глаза не смотрят в реальность. Мама смотрела в прошлое – в свое беззаботное, вечно юное прошлое, в котором не было сына. Матюша лег на спину и уставился в ровный и белый пустой потолок. Перед глазами заклубился белесый туман. Пустота постепенно начала расступаться, – дальше, дальше, – оказывается, потолок в комнате полый, без дна. Бездна. В ней, кроме ее самой, никто не жил, но кто-то позвал оттуда. Не голосом – колокольчиком. Кто-то звенел и звал.

Матюша проснулся. Дверной звонок надрывался, наверное, не пять секунд и не десять. Неужели вернулась тетя Оксана? На цыпочках пробежав в прихожую, Матюша прильнул к глазку… Уф-ф. Вика. Ее глаза искрились, радуясь чему-то хорошему.

– Ну, соня! Собака Киры Акимовны откликнулась, а ты все спишь!

– Ты рано сегодня…

– Отпросилась. – Вика весело закинула берет на рожок вешалки. – Отличные новости: утвердили мою кандидатуру на конференцию, и, представляешь, получила предложение из другого города!

– Какое… предложение?

– Преподавать в университете. – Она скрылась в папиной спальне и крикнула: – Голодная, жуть! Салат есть еще?

– Есть немного. – Взволнованный Матюша прислонился к стене у двери в комнату. – Ты согласилась, Вика? Ты решила уехать от нас?

– В университет? Пока не согласилась, вот хочу с тобой посоветоваться.

Она хотела посоветоваться с ним! Матюша мгновенно вырос в своих глазах. Сейчас он поговорит с Викой как серьезный взрослый человек и, конечно, постарается уговорить не ехать в университет. Пусть едет на конференцию, это всего несколько дней, зато у папы освободится время разобраться с тетей Оксаной. Она никакой не друг папе и разонравилась ему совсем, стопроцентно, Матюша видел… Все будет прекрасно.

– Матюша.

Вика переоделась в серое кимоно с падающими лепестками роз и стояла у входа в кухню. В руках ее переливался папин золотистый халат.

– Кто-то приходил к вам сегодня?

«К вам», – отметил Матюша с захолонувшим сердцем и, щелкая зажигалкой под чайником на плите, сделал вид, что не слышит.

– Кто-то приходил? – повторила она.

– Папа в обед.

– Один?

Матюша молчал. Красноречивее любых его слов был красный зажим для волос в форме краба, вонзивший острые клешни во влажный ворот папиного халата. Красное, ярко-красное на шелке с медовым отливом. Колдунья оставила отравленное яблочко на золотом блюде.

– Ясно, – тусклым голосом сказала Вика. – Михаил приходил с какой-то женщиной, и она нечаянно забыла эту вещичку.

«Нарочно! Тетя Оксана прищепила ядовитого краба нарочно», – догадался Матюша и заговорил, бегая глазами, не находя в отчаянии, на чем остановиться. Он говорил, что – да, была тетя Оксана, давняя знакомая папы и дяди Кости, просто пришла проведать, она – стюардесса, летает везде, а как прилетит издалека – заходит проведать, правда, редко, и то надолго не задерживается… Матюша заикался, но говорил без остановки, без точек и пауз, проклиная свое

косноязычие и половинчатую правду. Снова лепетал: «Стюардесса, бортпроводница», будто эти слова были магическими и могли что-то изменить, что-то исправить в неминуемом крахе дома. Всей душой и даже кожей Матюша чувствовал, как рвутся лепестки цветка, взращенного с бережной надеждой и, сбившись наконец, пробормотал, что тетя Оксана вообще ни при чем. Вика – лучшая из тех, с кем дружит папа. Самая лучшая.

Вика сняла очки. Нос у нее покраснел, и выражение лица было такое, будто замерзла, хотя батареи жарили вовсю.

– Вот как… Много у папы подруг?

– Нет! Нет! – испугался Матюша. – Он с ними раздружился…

– Почему? – спросила она, странно морщась.

– Потому что… потому что у нас теперь есть ты.

– Я и тетя Оксана?

– Я не люблю ее, – сказал Матюша тихо. – Я люблю тебя, Вика.

Она слабо улыбнулась:

– Смешной…

Тогда он еще не сознавал, что первый раз в жизни признался в любви женщине, но отчетливо, со жгучей обреченностью понял – Вика больше не придет.

…Дядя Костя дважды подогревал ужин и звонил папе на работу. Трубку там не брали. Папа, с хмурым лицом, разя пивом, ввалился в дом к ночи. Вынул из-за пазухи бутылку водки, бросил куртку на пол и, не разувшись, прошагал в кухню. Матюша осмелился подступиться с вопросом о Вике, – ни о чем не мог думать, только о Вике, – было все равно, что глаза у папы злые и вид больной.

– Пожалуйста, ни о чем не спрашивай, – процедил папа, почти не разжимая губ. – Твой разговорный лимит закончился на сегодня. Ты сегодня все сказал.

– Не срывайся на ребенке, – обронил дядя Костя. – Сам виноват.

Папа вскинулся, обвел окно, шкафы, мойку тяжелым взглядом, не видя сына в упор.

– Не маленький! Должен соображать, о чем можно трепать языком, а о чем нельзя.

– Я не хочу врать Вике, – сказал Матюша.

– Правильно, нечего обманывать женщин. – Дядя Костя подвинул к папе тарелку с котлетами, достал из холодильника салатницу с остатками сыра и семги. Нескончаемой розовой семги.

– Существует такая штука, как солидарность, – мотнул головой папа.

– Ты о какой солидарности, Мишка, мужицкой или в общем?

– В общем…

Дядя Костя положил руку на Матюшино плечо.

– Матвей, ты ел?

– Ел.

– Прошу тебя, побудь в своей комнате, ладно? – рука легонько подтолкнула к двери. – Почитай, посмотри мультики. Передача «Спокойной ночи, малыши!» еще не кончилась.

– Я не малыш.

– Мы с папой хотим поговорить вдвоем, – вздохнул дядя Костя устало.

Матюша закрыл дверь кухни, привалился к углу и сполз на корточки. В голове было туманно и пусто, как давеча в потолочной бездне. Нежилое пространство, ни мысли, ни слов. Безответные слова остались за дверью, где слышался звон приборов. Чпокнула пробка бутылки.

– За любовь, – убитый тон, в голосе безнадежность. Это папа.

– За любовь.

– Любовь редко приходит.

– А уходит часто.

Матюша подумал: зачем они постоянно повторяют слова друг за другом? Звякнули рюмки.

– Погоди, может, не все потеряно.

– Все. Она позвонила в конце рабочего дня и высказала это «все». Я сразу к ней, слонялся у дома, как мальчишка. Звонил с автомата… без толку… Потом сидел в баре, пока он не закрылся. Вика – не Оксана.

– Да… Не Оксана.

– А я ведь согласился встретиться с Оксаной, чтобы сказать то же самое. Все.

– Почему дома, не в каком-нибудь кафе?

– Настояла. Не отвязалась бы, ты знаешь. Я решил – ладно, в последний раз…

– Что – в последний?..

– Все-таки столько лет…

– Вспомни, сколько лет тебе! Без трех сорок!

Бульканье воды. То ли чай, то ли водка. Точно водка: стук бутылки о стол, звяк-звяк «чокнутых» рюмок.

– Вика-чечевика… Такая девушка! Наконец-то, думал, хоть тебе повезло.

– Люблю ее… Любил.

Матюша запутался, кто что говорит. Разговор – не песня, в разговоре голоса братьев были похожи.

– Любил, ага. Стоило опять увидеть Оксану и…

– Это был просто секс, Костя.

– А с Викой – любовь.

– Любовь.

– А с Оксаной – секс.

– С ней ведь, как на арене с быком, не угадаешь, что отчебучит. Нас и раньше ничего не связывало, кроме секса.

– Изнасилование невинного агнца Минотавром в юбке?

– Ну, виноват я! – крикнул папа. – Виноват! Да, я – старый кобель! Да, я все просрал! И что?! Что делать, скажи?..

Стиснув ладонями уши, Матюша поплелся в комнату. Постоял и взял с полки книгу о Малыше и Карлсоне. В этой сказке для маленьких были забавные картинки. До появления летающего человечка книжный мальчик был одинок, несмотря на родных и друзей. Все насмешливо звали его Малышом, как тетя Оксана Матюшу.

Снегири всегда вместе, он – один. Где-то в других городах живут полчища двоюродно-троюродных братьев и сестер. Со многими из них он даже не знаком

и не знает, нужен ли им. По большому счету, и они ему не нужны. Глупо было мечтать о маме, мертвые не оживают. И Вики у него теперь нет. Вика навсегда уедет в университет преподавать. Все.

Матюша бездумно полистал книгу. Всмотрелся в зеркальную темноту окна и впервые не захотел жить. Можно ли заставить себя умереть? Не дышать, например, пока воздух в легких не кончится? Он попробовал задержать дыхание. Нет, не получается надолго, иначе люди так бы и делали вместо того, чтобы вешаться и стреляться. А разве это вероятно – не чувствовать после смерти ничего, не быть нигде и никак? Тоже немыслимо.

Жизнь тотчас требовательно заявила о себе позывами в туалет и не дала развиться увлекательной теме.

Кухню сотрясали орущие голоса, дым сигарет призрачными змеями выплывал из дверных щелей. Братья кричали друг на друга, плюя на время, слишком позднее для включения громкости в доме с плохой изоляцией звука. Матюша вновь присел в закуток между кухонной дверью и входом в гостиную.

– …она была моей! – зарычал папа.

Дядя Костя рявкнул:

– Я был ее первым! Ты отбил ее у меня.

Папа захохотал страшно, как злодей в кино:

– Ха-ха-ха! – Каждое «ха» было веским и рубленым, будто он кромсал куски хохота ножом.

Матюша ничего не понимал. О ком это они?

– Все давно перегорело, устаканилось, быльем поросло, – заговорил дядя Костя. – Мы, вроде бы, поклялись не вспоминать, мы договорились, что ее нет, нет для нас, что она для нас умерла…

– Ха-ха-ха! А то я не знаю, что ты наведываешься к ней, когда якобы ездишь в командировки!

– Кто сказал?!

– Спроси ее!

Оглушительный грохот заставил Матюшу вскочить и вжаться в угол.

– Она писала мне! Не забывай, что у нас с ней…

– Нет! Не у тебя с ней! – как-то жалобно завопил дядя Костя на верхней ноте. – У нас с тобой, брат! У нас!!!

Послышалась странная возня, затем снова грохот и явственное падение тел. Матюша не выдержал, открыл дверь и отпрянул – в коридор вырвались клубы табачного дыма. Лучи лампы висели в прокуренном воздухе, как драные сети. Сметая стулья, двигая диван и стол, дикие звери катались по усеянному мусором полу. Среди огрызков хлеба, осколков чашки с изображением Царь-колокола, возле раскоканной пополам салатницы валялись пухлые кусочки розовой семги. Оцепенев, смотрел Матюша на яростных бойцов, убивающих друг друга, и не замечал, что мочится в штаны.

Внезапно рядом с ним из ниоткуда возникла Кикиморовна, – наверное, входная дверь была открыта. В кармане старухиного передника надрывалась в исступленном лае Эсмеральда. Лицо соседки, повернутое шрамом к Матюше, было скорбно и торжественно.

– Стоять! – гаркнула она. Он бы не удивился, если б Кикиморовна выстрелила из револьвера, как сыщик, заставший преступников в деле.

Драчуны разомкнули медвежьи объятия и, шатаясь, поднялись. Оба тяжело дышали, папа вытер пот с багрового лица рукавом рваной рубашки, под левым глазом дяди Кости взбухал фонарь.

– Милицию вызову, – честно предупредила старуха.

Водворив на место опрокинутый стул, папа сказал совершенно трезвым голосом:

– Все, Кира Акимовна, все. Финита ля-ля.

Дядя Костя проводил ее в прихожую, о чем-то мирно беседуя, запер дверь. Потом подошел к папе, они звонко ударили ладонь об ладонь и расхохотались. Все еще смеясь, папа обернулся, увидел Матюшу, распластанного по стене, увидел лужу, на которой никто чудом не поскользнулся…

Он подхватил сына на руки одним мощным гребком, прижал к себе, целуя в лоб, ухо, темя, куда попало, дыша жутким перегаром и шепча: «Сердце мое, прости… сердце мое». Дядя Костя обнял их обоих, ткнулся горячим лицом в Матюшин бок. Зажатый между пьяными плачущими братьями, позорно описавшийся и дрожащий, Матюша отходил от испуга и думал: а как же насчет того, что мужчины не плачут?

Папа поставил его на пол осторожно, будто он мог разбиться.

– Жизнь не кончилась, брат, – выдохнул дядя Костя размягченно.

– Уже живу, – кивнул папа.

– Я с тобой.

– Я понял.

Дядя Костя лег спать на диване в гостиной и сразу захрапел. Переодевшись в пижаму, Матюша почистил зубы и пошел пожелать папе спокойной ночи. Папа сидел на тахте, опустив лицо в шелковую серую ткань с падающими лепестками роз. Вика забыла кимоно. Рассеянная, она часто забывала везде свои вещи, совсем не нарочно. По лбу и щекам папы бродили розоватые тени, он глянул мимо сына мутными глазами.

– Что?

Матюша смутился, увидев, что в отце умирает мечта.

– Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи, сердце мое.

Папин раненый взгляд пробрал Матюшу до самого сердца. Он подумал, что после такого взгляда папа больше не сможет ни о чем мечтать.

Печаль – пепельно-розового цвета, как после сожжения розы. Недавно Матвей с удивлением прочел, что в реестре колеров есть оттенок, который называется «пепел розы». Тонкий, сухой оттенок без ярких соков, почти лессировка, он серый при натуральном освещении, а вечером, при негромком сиянии свечей или бра, отдает розовым и наполняет помещение нежными лепестковыми тенями.

6

Летом после шестого класса тетя Раиса с трудом устроила друзей в лагерь с углубленным изучением английского языка. Игр там проводилось мало, замученные зубрежкой дети развлекались стрельбой сухим горохом из фломастерных трубок и метанием бумажных бомбочек с водой. С презрением отметя ребячьи забавы, друзья со скандалом вылетели из лагеря из-за салюта, произведенного в темноте у реки. Опыт Робика с магнием, марганцовкой и серой превзошел ожидания, вызвав столь эффектную вспышку в сопровождении грома и дыма, что экспериментаторы попали в зону пристального внимания сотрудников детской комнаты милиции.

Интеллектуального отдыха не получилось. Пришлось подрядиться мыть полы за ежедневную плату в керамическом цехе, где тетя Гертруда расписывала ангобами цветочные горшки и кувшины. Поощряемые мастером цеха, уборщики справлялись за час-два и, затарившись арбузами на честно заработанные деньги, наслаждались рекой и солнцем. Смастерили рогатки с желтым аптечным жгутом, настругали целую флотилию деревянных корабликов. Играли с ребятней помладше в корсаров, стреляли, топили, брали на абордаж и в плен, пока солнце не ложилось на воду алой щекой к щеке…

Элька признавалась, что с девочками ей скучно. Девочки, в большинстве своем, мало читали, интересовались вещами сугубо материальными и преимущественно фирменными. Некоторые мальчишки тоже чересчур «встревали» по импортным тряпкам. Синяя птица джинса победным флагом порхала над бывшими пионерскими зарницами. Окруженный двойной заботой, Матюша тоже мог бы упаковаться в «Монтану» с головы до ног, но родители друзей не имели средств на спекулянтские шмотки с «толчка», а отличаться он не хотел. Казалось, ничто не способно разлучить их дружную троицу, однако в августе, к дням рождения, они разделились: девочка – налево, мальчики – направо.

Обычно в это время друзья объедались спеющей на задворках черемухой, пугая малышей несмываемой чернотой улыбок. На нижних ветках ягод росло немного, а чем выше, тем они становились крупнее и слаще. Опасаясь, что ребята обломают деревья, взрослые запрещали лазить на них, поэтому Матюша притащил с песочницы лесенку. Робик с нее подсадил Эльку на прочный сук и встал с ведерком на ступени. Половину сбора намеревались отдать тете Гертруде на пироги. И вот Элька поднялась, осторожно прихватывая ветки, нагнулась за дальней гроздью…

Матюша видел снизу все. Крепенькие икры, округлые бедра, белые плавки под сарафаном; видел, что раскрасневшийся Робик выпялился на открытые в нежданном ракурсе ноги, как на небывалое зрелище, будто не Элька бегала с друзьями в трусах все летнее детство, и не она рассекала в купальнике на пляже. Матюша беззвучно засмеялся. Ослепительная белизна Элькиных плавок его не волновала, а зачарованный Робик ослеп и оглох. Смотрел ввысь так, словно ступени вели его в небо. Он не пошевелился, когда сборщица крикнула: «Эй, лови!» и бросила горсть черемухи. Черный град осыпал его лицо, плечи, руки; мягкие ягоды скатились на землю. Элька сердито взмахнула темно-пятнистой ладонью – хотела, наверное, что-то сказать… и вдруг до нее доперло. «Дураки!» – взвизгнула она возмущенно (хотя Матюша был совсем ни при чем), сдвинула коленки и, натягивая на них сарафан, не удержала равновесия. Она бы упала, но Робик, очнувшись, успел подсунуть руки под ее круглую попку и спину. Вместо «спасибо» эта неблагодарная закричала: «Кретин!» и стукнула спасителя в ухо. В мгновение ока выпрыгнула она из нечаянных объятий Робика, пробарабанила босоножками по ступеням и ускакала домой. По тому, как дрожали ее губы, мальчишки поняли, что Элька сочла пробуждение их пола предательством по отношению к ней.

Пламенея лицом и ухом, Робик подобрал выброшенное ведерко. Они молча отнесли лесенку в песочницу. Друг не стал объяснять Матюше, с чего на него нашло помутнение мозга, и не попрощался, только кивнул. Впрочем, можно было не объяснять. Матюша давно приметил Элькину припухшую грудь, но не придавал значения внешней перемене подружки, ведь кое-что происходило и с ними. До «черемухового» случая в его голове мысли не возникало связать с Элькой тайную, стыдную часть жизни Робика. Матюша знал ту же тайну, он тоже постигал ее наедине с собой, но не Элька отжигала с ним в ночных фантазиях. Так, какие-нибудь взрослые девушки с картинок.

…Куча девчачьих трусиков, колготок, носков постоянно висела на веревке в прихожей Рабиных. Из ванной несло стиральным порошком, в кухне пахло пригоревшей овсяной кашей. Склеротичная старушка, дрожа серебряной головкой, бесконечно спрашивала с кресла: «Где мама? Мама где?» В комнате слышалась ссора сестриц: «Твои трусы!» – «Нет, твои». – «Мои были целые, а на этих дырка!» Робик с Матюшей усмехались, стоя у двери. Тетя Раиса ворчала: «Взяли бы да зашили, лентяйки».

Поиграв напоследок в кораблики, друзья разошлись, как в море корабли. В первый раз за тринадцать (с минусом двух младенческих) лет Элька не позвала мальчишек на день рождения и к ним не пришла. Без нее они играли в футбол, потом в хоккей. Робик терзался, и Матюше не хватало Эльки. Ребята спрашивали: «Из-за чего поссорились-то?» Не привыкли видеть их гуляющими отдельно. Робик наливался багрянцем, Матюша отвечал: «Так, мелочи жизни. Завтра помиримся».

Но помирились они нескоро.

Рубежи мальчишеского обитания расширились освоением города и окраин. Жизнь потихоньку обрастала недвусмысленностью мужских понятий. Как звери метят свой ареал, а самцы отстаивают территории гаремов, Матюша и Робик начали вдруг испытывать частнособственнические чувства ко двору и вошли в команду «крутых» пацанов. Сколотил ее парень, собиравшийся весной в армию. Сам и назначил себя вожаком. Завсегдатай субботних дискотек в районном Доме культуры, он рассказывал о часто вспыхивающих там роскошных побоищах с кастетами и велосипедными цепями и хвастал (кажется, врал), как запросто снимает «клёвых чувих» на танцах, платя им за ночь любви коробку конфет. Мальчишки узнали много нового об отношениях мужчин и женщин. Вожак небрежно сыпал терминами горячего секса: садомазохизм, «анал», минет,

куннилингус. Матюша чуть не умер от внезапного предположения, чем в ночь его пятилетия, возможно, занимался папа. Этот холм одеяла над животом тети Оксаны, эти вывернутые кверху пятки… Некоторое время не мог смотреть на отца без невыносимых мыслей о его мужеском падении. К Матюшиному безмерному облегчению, тетя Оксана снова перестала появляться. Вероятно, завела нового любовника.

В кульминации своих проектов вожак ставил идею вырастить из мальчишек бригаду преданных бойцов. Вышагивая сворой вперевалочку, они смотрели вокруг вызывающе и покуривали на ходу, не вынимая рук из карманов. Почти в каждом дворе имелись аналогичные группы. Сталкиваясь с соседними, «крутые» задирали друг друга и тем не менее знали, что безоговорочно объединятся, если доведется сойтись лбами улица на улицу. Так сплотились бы и уличные «банды», случись сразиться районам, и вся сплоченная кодла дружно ринулась бы на чужаков, посмевших нарушить заповедность границ. Двор – ничем не примечательный, заурядный двор-общество, страна в миниатюре – вот скрытый фокус той центрифуги, где накручивается изначальная воинственность мужчин.

Страстно желая быть первыми, Робик с Матюшей на спор, кто дольше, тягали гири, отжимались, крутили кольца на турнике. Уважаемые товарищами за пиротехнический опыт в лагере, серьезно рассуждали о самопальных снарядах и способах выточки капсюльных пистолетов из дерева и алюминиевых трубок от раскладушки. До изготовления, к счастью, дело не дошло, и свинчатки с выемками для пальцев, выплавленные из папиных грузил для закидушек, не успели применить: вожак утопал на солдатскую службу. На проводах мальчишки наклюкались пива, за что папа без всякого пиетета к сыновней акселерации отстегал Матюшу шнуром кипятильника, а Робик едва не захлебнулся под краном, куда тетя Гертруда сунула его пьяную голову.

Однажды в мае мальчишки отправились на дискотеку в недавно открывшийся парк и увидели в девчоночьей стайке у входа Эльку. В школе она делала вид, будто их не существует, ну и они с ней не поздоровались. Элька отвернулась. Танцевали с другими, Робик натужно веселился, приближаясь с горя к повторению экзекуции под краном. Он, конечно, не спускал с Эльки глаз, а Матюша пропустил момент, когда незнакомый поддатый фраер развернул ее к себе и под ржач приятелей принялся изображать аргентинское танго. Никто из мальчишеской компании опомниться не успел, как Робик птицей сорвался с места и полетел в пекло вдохновленного им мордобоя. Матюша рванул на помощь, моментально мобилизовались ребята…

Теория победительной битвы, изучаемая целых полгода, оказалась далекой от практики. Не они, а их отлупили штакетинами, выдранными из загородки танцплощадки, и дали испробовать хлесткость солдатских ремней. На плече одного из ребят даже отпечаталась багровая звезда от пряжки. Не тех, а мальчишек заграбастала в участок милиция. Качественно поколоченные, поставленные на учет как злостные нарушители правопорядка, они все равно чувствовали себя героями. Во-первых, их физическая сила и воля прошли наконец проверку в настоящем испытании. Противники были старше – недавно вернулись из армии, а тоже неплохо получили. Во-вторых, соперник Робика лишился возможности танцевать танго этим летом – сложно со сломанной ногой. В-третьих, и это главное, – отстояли честь девушки.

Элька рассказала милиционерам, как обидчик грубо обошелся с ней, да еще дымил сигаретой в лицо. Робик скрипел зубами. После, когда вместе возвращались с участка, расплылся во все тридцать два, несмотря на раздувшуюся губу, и до самого дома не закрывал рта от счастья. Элька разговаривала с друзьями так, будто детство вернулось и гигантское время бойкота утекло с весенними ручьями. Она и родителям все рассказала.

Как ни странно, Снегири отнеслись к драке с одобрением и уговорили тетю Гертруду не устраивать Робику тяжелую жизнь. Ребятам запретили только парковые дискотеки, побаиваясь мести тех дембелей. Но разбираться с вражеской стороны никто не явился, утряслось без судебных последствий. Может, фраер осознал вину. Друзьям, впрочем, уже было не до размышлений о чьей-то проснувшейся совести: умерла Элькина прабабушка.

…Эсфирь Давидовна умерла за три месяца до своего столетия. На похороны вышли соседи всего двора, и человек двадцать приехали из города. Она проработала более пятидесяти лет в медицинском училище, где о ней до сих пор ходили легенды. А внучки не знали доктора Рабину строгой, подтянутой женщиной блистательного ума, как отзывались о ней на поминках старые коллеги. Внучки видели только выжившую из этого легендарного ума старушку.

Ее очередь на увеличение квартиры мэрия незамедлительно аннулировала в льготном списке. Упокоившись на кладбище, ученая дама некоторым образом самостоятельно получила индивидуальную жилплощадь. Обстановка в комнате Рабиных поменялась: мебельную стенку поставили поперек – сымпровизировали кабинет, где отец писал кандидатскую. Элька переехала в кухонный угол, оснащенный новым креслом.

Позже из Элькиных недомолвок воссоздалась печальная картина бабушкиной смерти. Накануне врач снял кардиограмму сердца Эсфирь Давидовны и удивился, что оно, со скидкой на почтенный возраст, оказалось практически здоровым. А в тот день отец засел в кабинете, младшие девочки прибежали из школы с подружкой и, пока старшая на занятиях, а мама на смене, организовали «показ мод». Достали из шкафа мамины и сестрины платья, нацепили бижутерию. Бабушка смотрела-смотрела, как они вертятся перед зеркалом в прихожей, встрепенулась и вдруг совершенно ясным голосом произнесла: «Импозантно!» Элька застала ее улыбающейся, с приподнятым настроением и в гранатовых бусах. Всюду валялись украшения, одежда, косметика… Модницы не успели прибраться к приходу тети Раисы с дежурства. Ступив за порог, она воскликнула: «Что за погром?!» Сестры кинулись было наводить порядок, но тут бабушка вскочила и пронзительно закричала: «Мама! Погром! Бежим, мама!» Она никогда не кричала и не вставала с кресла два года. Страшная сила, что в последний раз подбросила ее и заставила взвиться, как перчаточную куклу, с размаху швырнула ветхое тельце на пол. Напрасно тетя Раиса пыталась привести разбившуюся бабушку в чувство – пульс уже не прощупывался. Отец потом сокрушался, что забыл наложить дома табу на злосчастное слово, которое ущербная память старушки оставила в единственном смысле. В детстве после погрома скончалась в дождь от увечий, нанесенных черносотенцами, ее мать.

Кто-то в школе обозвал Эльку «жидовкой», и вспыхнувший Робик пожелал выйти с обидчиком один на один. «Не станешь же ты бить девочку», – невесело усмехнулась она. Робик покраснел еще сильнее. Мальчишки поняли, кого Элька имела в виду.

Одноклассница Надя Великанова жила в доме напротив, в одном подъезде с дядей Костей. Она была очень даже Великанова – ростом чуть ниже высокого Матюши. Толстая русая коса, заплетенная туже каната, спускалась у нее ниже спины. Глазищи едва светлее грозовой тучи, редкая, хотя и жизнерадостная улыбка, – Надя смотрелась бы привлекательнее, если б чаще улыбалась. Рисковая девчонка, она одна из немногих отваживалась прыгать в реку с моста, особенно если на берегу тусовались Робик с Матюшей. Выходя из воды, торжествующе смотрела на мальчишек, не удостаивая взглядом Эльку. Элька казалась ей лишней на пляже, на земле и, в частности, рядом с ними.

Когда-то Матюша был не прочь поиграть с Великановой в песочнице, но Надя чуть ли не с первого класса сохла по Робику. А компания у нее была другая. Эти заносчивые ребята считали себя радикалами, во дворе их называли «скинь-

кедами». Они держались особняком и, игнорируя все «забугорное», носили «советскую» одежду и обувь (отсюда и прозвище). Может, экономическая обстановка в стране болезненно прошлась по их семьям и вызвала в ребятах резкие комплексы; может, хотелось чем-то выделиться, а было нечем – никто не вдавался в причины «скинь-кедства» «радикалов», просто спуску им не давали.

Папа шутил: «Мы, Снегиревы-Ильясовы, – русско-татарское иго». У всех Снегиревых хранились старинные фантики и обертки от шоколада «Московская сладость» – прапрадед был совладельцем конфетной фабрики. По женской линии Ильясовых бабушки передавали внучкам татарские украшения. Свободный от национальных и расовых предрассудков, Матюша своей русской кровью уважал в себе татарина; татарской – гордился в себе же русским. От русского наследства ему досталась рослая атлетическая фигура. Для поддержки ее в спортивной форме ни он, ни Снегири особо не напрягались. Смесь крови делала их похожими на средиземноморцев – мягкие каштановые волосы, оливковая кожа. Носы греческие, соответственно. Смотрясь в зеркало, Матюша видел Одиссея, несмотря на тестостероновые прыщи на лбу. Ну, или Телемаха. Так ему казалось.

Робик вымахал выше друга на два сантиметра. Если бы Робик жил в Германии во времена арийской идентификации, он бы подошел для национального пушечного мяса по всем параметрам: белокурые волосы, голубые глаза, стройный, как кедр. Тип нордического воина – Ричард Львиное Сердце и Вильгельм Завоеватель – зависть клячезадых гитлеров. При всем своем великолепии Робик обладал славным характером, сильно попорченным, на Матюшин взгляд, романтичностью и занудством. Любимыми выражениями Робика были классические: «Авось пронесет!», «Кто виноват?» и, как следствие, «Что делать?». Он уже твердо определился в профессии, мечтал стать хирургом, поэтому Матюша с некоторых пор стал величать его доктором Ватсоном.

Элька смотрелась между ними как смуглое деревце, разделяющее свет и тень. Маленькая, подвижная (дядя Костя называл тетю Раису и трех девочек Рабиных «четыре черненьких чернявеньких чертенка»), к десятому классу Элька необычайно похорошела. Худые крылышки лопаток и торчащие вперед коленки втянулись в ее приглаженное тело, округлившееся в определенных местах. К подиуму она, может быть, не подошла бы из-за некондиционного роста, но в рекламу бикини точно взяли б на «бис». Тетя Раиса бормотала вслед старшей дочери какие-то защитные заклинания. Элька злилась. Ее дико раздражало собственное преображение из предполагаемой травести в этакую Мату Хари.

Буйноволосая, она стриглась под короткое каре, носила глухие темные свитера, но парни все равно присвистывали, оглядываясь, и Робик вскипал жгучей ревностью. Матюша относился к Элькиным метаморфозам спокойно, ему нравились девчонки высокие, хрупкого сложения, с прямыми плечами.

Робик как-то заявил, что Элькины глаза красивейшие в мире. Матюша промолчал. Да, красивые, да, ресницы длинные и все такое. Но не солнечно-карие с зелеными искрами…

7

Матюша получил паспорт. Снегири посчитали сына-тире-племянника вполне взрослым и своеобразно обозначили его совершеннолетие тем, что перестали фильтровать при нем разговоры на пикантные темы. По крайней мере, наполовину. Переход нравственного цензора братьев на полставки Матюша воспринял со смущением. Скабрезные анекдоты и темы, обсуждаемые запросто, как «РИА Новости», всегда коробили друзей, но Робик неожиданно начал заимствовать ироничный, с хулиганским уклоном, разговорный стиль дяди Кости. В выборе одежды друг, кажется, подражал второму Снегирю: тетя Гертруда купила сыну дорогой костюм и галстук (хорошо скроенные пиджаки и модные галстуки папа носил с непревзойденной элегантностью). В общем, Роберт Дюббен потихоньку собирал свой мужеский образ. Почти все парни в классе уже начали бриться, а он решил отпустить усы. Элька обозвала мужское украшение Робика «поросячьей щетинкой». Вздыхая, он убрал из-под носа это жалкое подобие величия Эркюля Пуаро и Михаила Боярского.

Проведя в школе поэтический вечер, Матюша снова стяжал литературные лавры. Стихи Пастернака и Арсения Тарковского перемежались безымянными эпиграммами на одноклассников и учителей. Зал угадывал, о ком идет речь, и стены содрогались от хохота. Те, кого поэт слегка «протянул», обиделись и перестали с ним общаться. Скоро девчачье внимание надоело ему до чертиков, на переменах Матюша не выходил из класса – челюсти ломило от улыбок. Из мероприятия был извлечен урок: нравиться аудитории нужно, а потакать ей нельзя. Популярность, к сожалению, ограничилась школой – подборку лирики, в сладостных надеждах посланную в литературный журнал, почему-то не приняли. Дядя Костя мечтал о журналистской карьере Матюши и говорил, что

сочинение стихов годится только для обкатки серьезного пера.

– Гениальная поэзия давно себя исчерпала, а все поэты по-прежнему считают себя гениями. Причем независимо от того, печатают их стихи или нет.

Непочтительно смеющийся папа выдал секрет:

– Костя вкусил горечи гениальности на собственном опыте, тоже безрезультатно отправлял свои вирши в журналы. Теперь готовит биографическую, то есть эротическую прозу…

– Да, я пишу роман! – вздернулся дядя Костя. – А ты, глупый пингвин, на такое и не готов, и не способен!

– Не всем же быть буревестниками. Зато я, не разочарованный в музах, умею готовить на кухне вкусные блюда. Папа повар – что ж такого? – папа подмигнул Матюше.

– «Нет подлей ничего, чем наш ненавистный желудок»[2 - Гомер, «Одиссея», Песнь седьмая, перевод В. Вересаева.], – проворчал дядя Костя.

Матюша видел у него на столе исписанные и наполовину вымаранные листки, но, может, это были репортажи к фотографиям. Газеты давно перешли на электронную верстку, а его дядя все еще не освоил компьютер.

Папа принялся уверять, что самое интересное в биографии брата – пьянство и разврат, однако и тут пробы негде ставить, все давно потоптано эпигонами пьяных и развратных писателей.

– Верность возлюбленной этот распутник хранит целый час и неделю, – ухмыльнулся дядя Костя, намекая на то, что папина девушка отбыла куда-то в загрантур.

– Заразился гекзаметром ты, я гляжу, у Гомера? – огрызнулся младший Снегирь.

На пике мужской активности папа стал менять женщин чаще. Некоторое время Матюша посматривал на Людочку (так звали новенькую) не без удовольствия.

Она была старше его всего лет на восемь. Ее грудь пружинила при ходьбе, как заброшенные в сетки баскетбольные мячи, на плече красовалась замысловатая татуировка. Матюша даже подумывал, не сделать ли и ему тату на плечи или спину. Частая гостья, Людочка почему-то любила переодеваться в папины футболки. Когда она сняла с сушки и бесцеремонно напялила майку Матюши, он сказал папе, что стоически терпит набеги его пассий в квартиру, но не намерен делить с ними нижнее белье. «Понял», – сконфузился папа, а сын пожалел о сказанном. Людочка прекратила ходить перед Матюшей в неглиже и относиться к нему, будто к неуместному в квартире призраку, и начала проявлять подозрительный интерес. Пока любительница чужих маек загорала на туристических пляжах, Матюша отдыхал от ее «нечаянных» коридорных прикосновений, не предполагая, что из забвенья вынырнет та, чей нюх отменно навострился на папины мало-мальски не поверхностные увлечения.

Она встала посреди прихожей, красивая, как внезапно телепортировавшая из старой книги колдунья.

«Ну, с прибытием», – промямлил папа. Периодическая подруга многообещающе взглянула на него исподлобья. Он попятился в гостиную, словно хотел спрятаться. Тетя Оксана раскинула руки «самолетиком» и помчалась к нему, чуть не срезав Матюше кончик носа острыми полированными когтями, – еле успел отклониться. Папе пришлось раскрыть объятия для предотвращения несчастного случая, иначе она, пронесшись мимо, вылетела бы в дверь балкона и отворенное настежь окно. Матюша представил ее лежащей на клумбе буквой «т». Под головой багровая лужа, вокруг толпа, воет сирена реанимации… Увы, то есть к счастью, ничего подобного не произошло. Тетя Оксана тискала и лобызала папу с таким остервенением, что щеки его ходили ходуном. Он смотрел глазами тельца, ведомого на заклание.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод с татарского Юрия Кушака.

2

Гомер, «Одиссея», Песнь седьмая, перевод В. Вересаева.

Купить: https://tellnovel.com/borisova_ariadna/ves-aprel-nikomu-ne-ver

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити